

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Майофис М.Л., Кукулин И.В.

**Переоткрытие идеи «советской общественности»
в конце 1930-х – второй половине 1950-х годов**

Москва 2016

Аннотация. Предмет этого исследования – препятствия, ограничения и новые подходы в исследовании институциональной истории СССР. Показана применимость и полезность для этой работы методов микроистории и истории понятий. Эта применимость обоснована на примере одного case study – изучении творчества военного теоретика и публициста, писавшего на педагогические темы, Бориса Ивановича Журина (1890—1964). Насколько нам известно, ни биография, ни творчество Журина никогда прежде не становились предметом самостоятельного исследования. В 1939 году Жури́н разработал программу мобилизации «родительской общественности» (частично реализованную в 1950-х) для целей поддержки школы. Эта программа во многом предвосхитила новое понимание «общественности» и в целом новую программу социальной политики, выдвинутую Н.С. Хрущевым на XX съезде КПСС в 1956 году. Во время Второй мировой войны Жури́н начал разрабатывать для нужд армии структурно аналогичные проекты, предполагавшие координацию работы отдельных подразделений и родов войск и поощрение социальной солидарности. По-видимому, непосредственным толчком к разработке этих педагогических и военных программ, за которыми стояла одна и та же эпистема (в терминологии М. Фуко), для Журина стал Большой Террор, приведший к катастрофическому по своим последствиям уничтожению квалифицированных кадров.

The article is focused on difficulties, boundaries and new approaches in the study of the institutional history of the USSR. It demonstrates applicability and usefulness of microhistory and history of ideas and concepts for this work. It is based on a micro-historical study. Analyzing the documents from the personal archival collection of a social activist, pedagogue and military expert Boris Ivanovitch Zhurin (1890—1964), the authors demonstrate that the 1939 turned to be very important in his career. It was just in 1939 when Zhurin changed his previous “modest” profession of engineer-constructor specializing in concrete buildings for a profession of military expert and for the role of social activist and publicist. As a military expert, Zhurin spent the years 1939 and 1940 writing a monograph about interaction of different combat arms, including artillery and reconnaissance aviation, during the advance of Russian troops in June, 1917. He was convinced that this experience would be vital during the next war. As a social activist and publicist, in 1939 Zhurin elaborated a program of mobilization of the so called “parental public” (roditselskaya obshestvennost) for the purposes of supporting Soviet school. Zhurin invented, described and promoted a new social institute which he called “parents’ committees in multiple dwellings,” insisting that this would have been the best instrument to control and improve family education. This second “know-how” was also based on the idea of interaction, as the parents’ committees had to establish close relationship with district executive committees (ispolkom), school administration and school parents’ committees, local Komsomol departments, and house management as well. This program was partly implemented in the 1950s. Zhurin’s program greatly anticipated the new notion of “public” (obschestvennost) and new social politics promoted by N. Khrushchev on the XXth Party Congress in 1956.

Thorough observation of Zhurin’s archive and publications and reconstruction of the historical context of both 1939 and the “Thaw” years bring the author to the conclusion that Zhurin perceived Soviet society after the Great Terror as being completely atomized, demoralized by low competence of higher command (in army) and state bureaucrats and lacking the channels of knowledge and experience transmission, and strived to invent new models to rebuild and intensify “horizontal” social ties.

Майофис М.Л., старший научный сотрудник, лаборатории историко-культурных исследований ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,

Кукулин И.В., старший научный сотрудник, лаборатории историко-культурных исследований ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2015 год.

СОДЕРЖАНИЕ

1 Введение: изучение институциональной истории СССР как методологическая проблема.....	5
2 Институциональная стратегия 1950—60-х годов: проект «новой лояльности» и мобилизация «общественности»	10
3 Педагогическая публицистика и военная аналитика Бориса Журина: предвосхищение оттепельного проекта «общественности» в 1939 году.....	17
4 Заключение.....	43
Библиография.....	44

1 Введение: изучение институциональной истории СССР как методологическая проблема

Как предположил известный экономист Леонид Гохберг в своем выступлении на V Межрегиональном экономическом форуме «Самарская инициатива: кластерная политика – основа инновационного развития национальной экономики» (2011), одной из серьезных проблем современной России является контринновационность институтов. Для того, чтобы решить эту проблему, необходимо, по-видимому, не только внести коррективы в применяемые сегодня стратегии институционального строительства, но и исследовать исторические аспекты такого строительства.

Институты мы понимаем в соответствии с концепцией Дугласа Норта, изложенной в его известной работе 1991 года [Норт 1997] – как совокупность правил социального взаимодействия, устойчиво воспроизводимых в том или ином сообществе. В состав институтов входят также формальные и неформальные механизмы контроля того, насколько правила соблюдаются. Взаимодействие, регулируемое этими правилами, создает и поддерживает функционирование социальных структур – с оговоркой о том, что участие каждого индивида в таких взаимодействиях всегда проблематично. Его/ее могут изгнать, или отказаться признать участником институционального взаимодействия, или он/а сам/а может не согласиться с функционированием установленных правил, раскритиковать их и/или покинуть социальное пространство института (см. об этом: [Хиршман 2009]). «Институты задают структуру стимулов, действующих в обществе» [Норт 2004].

Внимание исследователей в области социальных наук к институтам привлекли в 1960—70-е годы, прежде всего экономисты, прямо или косвенно связанные с так называемой новой институциональной теорией, или неoinституционализмом. Уже упомянутый Норт – вероятно, самый известный из них. Само это течение зародилось довольно давно. Современные историки экономической мысли полагают, что первой неoinституционалистской работой стала статья Рональда Г. Коуза «Природа фирмы», опубликованная в 1937 г. [Coase 1937], однако интенсивное исследование поставленных Коузом вопросов началось только спустя три десятилетия. В 1991 году Коуз получил Нобелевскую премию по экономике, в 1993-м такую же премию получил Норт, -- можно считать, что

неоинституционализм в начале 90-х был «канонизирован» как направление, ставшее классикой современной науки.

На протяжении 1960—80-х годов к изучению институций обратились не только экономисты, но и социологи, антропологи и историки. Все они заинтересовались функционированием социальных правил и норм, из которых «прорастали» известные ранее историкам общественные процессы – и которые менялись под влиянием этих процессов (см., например: [Laudan 1977], [Cohlstedt 1985] и мн. др.). Впрочем, их внимание к институтам было подготовлено развитием не только экономики, но и, например, исторической «школой “Анналов”» с ее интересом к устойчивым механизмам воспроизводства социальных отношений; переключки между работами «анналистов» и неоинституционалистским подходом уже обсуждалась в литературе [Демьяненко, Дятлова, Украинский 2011].

Изучение институциональной истории СССР, однако, оказалось сильно затруднено. Историки и социологи институтов исходили из предположения, что важнейшие институты в Европе Нового времени возникли в ходе более или менее свободного – пусть даже и конфликтного -- взаимодействия акторов, опосредованного законодательными регуляторами и социокультурными традициями (Норт вводит понятие «институциональной матрицы», означающей своего рода историческую привычку общества к созданию того или иного рода институтов) и осложненного прямым вмешательством политических элит. Вплоть до конца 1990-х неоинституциональная теория была основана на изучении институтов в обществе, «правила игры» в котором меняются медленно – как признает сам Норт в своей работе, опубликованной в 2005-м [Норт 2005 (2010)]. «Институциональная эволюция экономики зависит от взаимодействия между институтами и организациями. Если институты — это правила игры, то организации и предприниматели, которые их создают, — это игроки. Организации состоят из групп индивидуумов, объединившихся для достижения определенных целей» [Норт 2004]. Современная ситуация с очевидностью требует от исследователей изучения институтов в обществе, которое проходит через кризисы, существенно изменяющие его структуру.

В СССР главным создателем институтов и организаций было государство, при этом «сращенное» с важнейшей квазиобщественной организацией – КПСС, аппарат которой реально и осуществлял власть и придавал ей идеологическое обеспечение. Более того, любые альтернативные институты или их зачатки

последовательно уничтожались или маргинализировались как опасные. Эта традиция восходит к имперским временам [Чернышевский 1859 (1981)], хотя законченный вид практика подобного «социоцида» приобрела при советской власти. Социолог Алексей Левинсон пишет: «Спецификой нашей социальной истории является слабость, а затем и отсутствие этажа вторичных отношений. [...] Жестко отмеренная совокупность полностью подконтрольных государству официальных вторичных организаций — партия, комсомол, профсоюзы, затем колхозы — должна была не иметь никаких соперников на своем социальном этаже. За соблюдением этого следила вся политическая система вкупе с ее карательно-сыскным компонентом. Обвинение в создании “организации”, подозрение в создании “организации” стало главной паранойей времени» [Левинсон 2009].

И все же в СССР создавались новые институты и организации. Прежде всего, их функция была дисциплинирующей, контролирующей и направленной на принудительную модернизацию поведения субъектов. Поэтому они имели отчасти «протезный», суррогатный характер, они подменяли автономную общественную активность. Правила, по которым они действовали, в ряде случаев были неписаными и не называемыми вслух. Однако необходимо учесть, что степень «суррогатности» советских институтов была разной в разных случаях и в разные периоды истории. Кроме того, существенно, что советские институты обладали важнейшей чертой, описанной в поздней книге Норта – интенциональностью [Норт 2005 (2010): 8—9]. Иначе говоря, они далеко не всегда создавались для декларируемых целей, но их строительство все же преследовало цели социальных изменений – и соотношение намерений и результатов может сказать нам много нового о советском обществе послесталинского времени.

Часто институты и организации возникали в ответ на реальные общественные запросы (это уже прослежено в истории Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Всероссийского общества охраны природы – см., например: [Митрохин 2003]). Различия между институтами и организациями, которые Норт в 1991 году описывал как четко структурированные, в советских условиях скрадывались: многие (хотя и не все) организации из-за своей уникальности и персонализированности (т.е. привязанности к фигуре конкретного руководителя) приобретали черты института – как, например, журнал «Новый мир»

под руководством А.Т. Твардовского¹. Говоря языком Норта, в ряде случаев правила устанавливались таким образом, что по ним мог играть только один игрок, который мог постепенно изменять и само значение этих правил. Таким образом, советское институциональное строительство было очень сложной комбинацией жесткого государственного менеджмента и контроля и низовой инициативы, которая подспудно изменяла установленные «сверху» правила – или придавала им непредусмотренные прежде значения. Институты оказывались погружены в «паутину» неформальных сетей и отношений, очень важных для советского общества [Хлевнюк, Горлицкий 2011], [Kryshtanovskaya, White 2011], и эти неформальные сети тоже придавали правилам непредусмотренные значения, не кодифицированные публично и обсуждаемые только в частных беседах.

В силу этих причин институциональная история СССР изучена недостаточно. Обобщающих работ о ней нет, есть только исследования по отдельным частным вопросам. Лучше других советских институтов изучены КПСС, а также структуры, осуществлявшие насилие и использовавшие принудительный труд (из новых работ см., например: [История КПСС 2013], [Нахапетов 2009], [Широков 2014]). В работах, посвященных общей логике государственного строительства, акцент чаще делается на неформальные связи, чем на роль институтов или их суррогатов [Истер 2010]. Среди немногочисленных исключений можно назвать работы: [Блюм, Меспуле 2008], [Осокина 2009], [Карелин 2014].

Перечисленные книги выпущены в серии «История сталинизма». Они исследуют преимущественно период 1920—начала 1950-х годов. На наш взгляд, наиболее важным и в то же время наименее изученным периодом, оказавшим существенное влияние на развитие институциональных стратегий в постсоветской России, как мы полагаем, является послесталинский период (1953—1985), причем, по-видимому, наиболее долговечные стратегии были выработаны в области не политического институционального строительства, а культурного, научного и образовательного. Формирование этих институций обсуждалось в основном на материале опять-таки 30—50-х годов [Юинг 2011; Орлов, Юрчикова 2010²; Кухер 2012].

¹ Об этой роли «Нового мира» см., например: [Kozlov 2013].

² Эта книга описывает историю Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ).

Уже существующие исследования «оттепели» позволяют увидеть, что в это время резко усиливается институциональное строительство и взаимодействие между государством и обществом. Этот процесс стало одним из элементов важнейшего социального процесса послесталинского периода – резкой диверсификации и усложнения общественной жизни, приведших к становлению в СССР элементов публичной сферы современного общества, хотя и очень деформированных. Характерно, что именно «оттепель» стала временем массового и очень быстрого распространения в СССР такого важнейшего медиума, как телевидение [Roth-Ey 2007].

2 Институциональная стратегия 1950—60-х годов: проект «новой лояльности» и мобилизация «общественности»

Советские культурные, образовательные и научные институты «оттепели», согласно нашей предварительной гипотезе, отличаются некоторой спецификой по сравнению с другими сферами. Это связано с «оттепельным» проектом создания «новой лояльности», выработанным политическими элитами – по-видимому, начиная еще с первых популистских мероприятий, предпринятых Л. Берией в 1953 году [Таубман 2008: 272—274].

Лояльность в целом мы понимаем в соответствии с определением Алексея Левинсона: «...когда я пользуюсь словом “лояльность”, я имею в виду отношения между неким социальным субъектом, который является предметом разговора, и каким-либо институтом, нормам которого этот субъект по тем или иным причинам намеревается следовать» [Левинсон 2009]. Таким образом, «лояльность» характеризует отношения между личностью и институтом – в этом А. Левинсон развивает концепцию А.О. Хиршмана.

После освобождения политических заключенных и существенного уменьшения масштаба репрессий по сравнению с предшествующим периодом политические руководители страны попытались выработать формы новой общественной поддержки государственной идеологии и мобилизационной экономики, основанные не столько на страхе репрессий, сколько на эмоциях энтузиазма и групповой солидарности. «Новая лояльность» предполагала также добровольное ограничение критического суждения по тем вопросам, которые могли бы поставить под сомнение правоту официальной точки зрения – прежде всего, по вопросам о том, был ли преступным режим Сталина и насколько «передовым» является советское государство. В первом случае, по вопросу о Сталине, по-видимому, был постепенно достигнут режим общепринятого умолчания, отказа от суждения («было много хорошего и много плохого», «Сталин – слишком сложная фигура, пусть о нем судят историки» и т.п.)³, во втором – насколько можно судить, адепты новой лояльности осторожно балансировали между формулировками вроде «несмотря на отдельные недостатки, мы все же можем быть убежденными в том...»

³ О том, как и какой ценой было достигнуто это «воздержание от суждения», см.: [Платт 2013]

и «несмотря на достигнутые успехи, мы все же с сожалением можем констатировать...».

Изучение взаимосвязей этого проекта с институциональным строительством в сфере образования, науки и культуры – важная задача современных социальной истории и исторической антропологии.

В выборе социального усложнения как нормы или даже идеала акторы 1950—60-х годов ориентировались на советские социальные инновации 1920-х. Однако значительная часть культурных, образовательных и научных институций 1920-х имела дореволюционное происхождение – организационное или, чаще, идеологическое (примеры – издательство «Всемирная литература» или учебные колонии С.Т. Шацкого). Акторы «оттепели» не замечали этого и воспринимали все институции 1920-х годов как «революционные» по своему происхождению. Более того, это представление продолжает и сегодня влиять на научные исследования.

Н.С. Хрущев был убежден в реальной близости коммунистического будущего и предполагал, что с приближением коммунизма ряд функций перейдет от государства к обществу – поэтому в целом он поддерживал новое институциональное строительство в СССР. Однако под «обществом» и Хрущев, и другие члены политической элиты его времени понимали не общество в современном смысле слова, а скорее «советскую общественность» -- людей, постоянно подтверждающих свою лояльность и энтузиастическую устремленность личности (ср. «коммунальную модель гражданства» по С. Екельчику [Yekelchuk 2010]; «коммунальным гражданством» Екельчик как раз и называет такую форму участия в государственной жизни, которая требовала постоянно перформативного, публичного, основанного на личной инициативе подтверждения своей верности). Поэтому поддерживаемые ими институты не должны были функционально отличаться от государственных, а сама передача «институциональных полномочий» обществу, как предполагалось, не должна была привести к заметной диверсификации политических мнений.

Историю понятия *общественность* и его социальные значения исследовал Вадим Волков [Волков 1997]. Волков показывает, что это понятие в России приобрело несколько уникальных смыслов. Первоначально его ввел Александр Радищев, который подразумевал под ним общественное мнение; его современник Николай Карамзин называл *общественностью* особое качество социальной солидарности. В 1840–1850-е годы *общественностью* называли общественное

мнение или, чаще, строй отношений, характерных для конкретного общества [Малинова 2012]. Однако постепенно это слово начинает обозначать не принцип или институт, но отдельную, претендующую на автономию общественную группу — складывавшуюся тогда интеллигенцию. «...К началу XX века “общественность” <...> стали связывать с носителями критического общественного мнения и группами людей, выполнявших общественные обязанности или работавших на общие интересы» [Волков 1997]. Тогда же это слово стало восприниматься как антоним индивидуализма [Малинова 2012].

После утверждения советско-большевистской власти слово *общественность* в СССР претерпело еще одну метаморфозу: в 1920-е годы оно стало обозначать не критически настроенные, но напротив, л о я л ь н ы е — и, более того, сознательно, по убеждению лояльные социальные группы. Наиболее удачное определение лояльности, на наш взгляд, дано в работе Алексея Левинсона: «...когда я пользуюсь словом “лояльность”, я имею в виду отношения между неким социальным субъектом, который является предметом разговора, и каким-либо институтом, нормам которого этот субъект по тем или иным причинам намеревается следовать» [Левинсон 2015]. Иначе говоря, *общественностью* стали называть группы, которые следовали нормам советских институтов и поддерживали их не из конформизма или нежелания «выпасть» из общества, но потому, что считали это необходимым. Некоторые авторы 1920-х годов, например Н. К. Крупская, предполагали, что в будущем так понимаемая «общественность» постепенно заменит государство [Крупская 1930: 22].

В эмигрантской прессе эту новую группу считали результатом сознательного политического конструирования со стороны большевиков, которые в то же время «душили и душат» «народную общественность» — с точки зрения авторов-эмигрантов, «настоящую» [Эфэс 1927]. Впрочем, рефлекс старого, дореволюционного употребления термина могли сохраняться даже у сотрудников ОГПУ, которые с некоторым уважением писали о возрождении в СССР — разумеется, в подполье — «сионистско-социалистической общественности», которую сами же и преследовали [Обзор 1927]⁴.

⁴ Другие трактовки этого слова, например «социальность», были уделом истребляемой политической оппозиции. Так, в одной из рукописных статей сторонников Троцкого, сидевших в советской тюрьме, замечалось: «...выступление в защиту деловой проработки [экономических] планов вызывает гикания и легкомысленные обвинения и

В 1930-е годы значение слова *общественность* было снова изменено и искусственно сужено. В 1936 г. было создано движение «жен-общественниц» [Buckley 1996], в которое власти стремились вовлечь максимальное количество жен инженерно-технических сотрудников; по инициативе Г. Оржоникидзе, курировавшего новое движение, в СССР начал выходить журнал «Общественница». Согласно редакционной статье, журнал «должен [был] дать возможность каждой жене стать общественницей, найти свое достойное место в строительстве социализма. Работа жен многогранна, разнообразна, творчески инициативна, требует много культуры и четкости, а главное — умения эту культуру передать, пропагандировать» [От редакции 1936]. В Обращении Всесоюзного совещания жен хозяйственников и инженерно-технических работников тяжелой промышленности ко всем женам хозяйственников и инженерно-технических работников СССР провозглашалось:

Вчера еще только домашние хозяйки, вся жизнь которых проходила в кругу узких семейных забот, стали сегодня участниками великого сталинского дела. У нас еще мало опыта, но каждая из нас уже нашла свое — пусть маленькое — место в общей работе. Одни из нас взялись за ясли, школы, помогают детям лучше учиться и отдыхать; другие пошли в заводские столовые, клубы, буфеты, рабочие общежития, навели чистоту в рабочих поселках, на площадках заводов, организовали кружки стрелкового дела, спорта, иностранных языков и т. д. Все мы горим желанием сделать жизнь трудящихся нашей страны еще более радостной, еще более прекрасной [Обращение 1936].

Это переформатирование имело очень большое значение. С 1936 г. слово *общественность*, почти выпавшее из употребления (см. прилагаемый график употребительности этого слова в советских книгах, составленный с помощью программы Google Ngram, ил. 1), стало указывать на связь семейной жизни и семейных интересов с участием в государственной социальной политике.

заподозривание в уклонах, ставящих обвиняемых вне закона элементарной общественности» [С партией 1932].

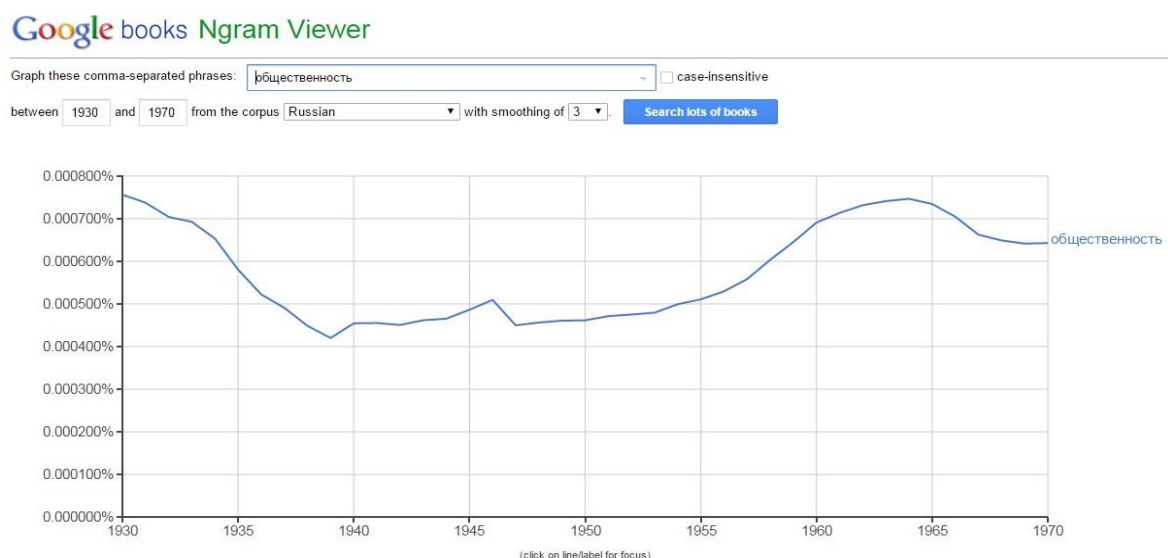

Рис. 1. График употребимости слова «общественность» в публикациях на русском языке в 1930—1970 гг. (составлен на основе базы данных Google с помощью программы NGram Viewer).

В середине 1950-х годов слово «общественность» было реактуализировано. Значительная часть институтов, созданных в эпоху «оттепели», подразумевала участие именно «общественности», под которой вновь, как в 1920-е годы, понимались уже не жены инженерно-технических работников, а политически мобилизованные группы населения в целом (как сказали бы в XIX веке, обоего пола). Как точно отмечает Вадим Волков, начало процесса десталинизации и заявленные Хрущевым на XX—XXII съездах КПСС перспективы быстрого построения коммунизма привели к тому, что «общественность»: «...стали ассоциировать с переходом от государственного управления к общественному самоуправлению и от государственной охраны общественного порядка к общественной -- в стиле, напоминающем дебаты конца 20-х годов...» [Волков 1997] Хрущевская утопия саморегулирующегося общества, которое взяло бы на себя многие функции государства, в том числе и его надзорно-карательных органов, выливалась и в такие одиозные институты, как «дружины охраны общественного порядка» [см. об этом: Лебина 2015: 402—410]⁵, и в менее известные историкам родительские комиссии при профкомах, парткомах и домкомах.

⁵ Первые добровольные народные дружины появились в СССР в 1955—57 годах. Законодательно деятельность ДНД была закреплена постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1959 года «Об участии трудящихся в охране общественного порядка».

В целом руководство КПСС, и особенно Н.С. Хрущев, предполагали, что «общественность» станет инструментом эмоциональной мобилизации, возмещающим отказ от массовых репрессий. Вот характерный пример газетной риторики хрущевского времени, появившийся в печати за несколько месяцев до снятия генерального секретаря:

«Общественные начала в работе нашего городского Совета приняли небывалый размах. Решать вопросы хозяйственного и культурного строительства, быта и воспитания людей нам помогают тысячи активистов, объединенных в постоянные комиссии, внештатные отделы, советы и комитеты при учреждениях, домоуправлениях и школах. Многие выполняют обязанности инспекторов и инструкторов. [...] Внештатный отдел привлек сотни активистов, объединенных в шести советах университетов культуры, двух парков, народной филармонии, клубов выходного дня школьников, девушек, спортивной молодежи и других. На общественных началах (т.е. бесплатно. – *Авт.*) работают два книжных магазина, два киоска, детская музыкальная школа, сорок библиотекарей» [Сайкина 1964].

В целом можно выделить четыре функции, которые имели институты и общественные организации в период 1953—1968 годов:

- 1) Контролирующая.
- 2) Перформативная – ее имели как официальные (например, Всероссийское хоровое общество), так и неофициальные институты (например, чтения у памятника Маяковского в Москве). «Означаемым» перформансов официальных институций должен был быть эмоционально выраженный *энтузиазм*.
- 3) Диверсифицирующая – создание дополнительных моделей и путей общественного участия в жизни страны, контролируемое увеличение общественного разнообразия.
- 4) Воспитание «нового человека» или перевоспитание «прежних/ветхих людей» в «новых».

«Коммунальное гражданство» при Хрущеве должно было стать из принудительного и основанного на насилии, каким оно было при Сталине – добровольным⁶. Общество «считало» этот мессидж власти как негласное позволение

⁶ Одной из важнейших форм «коммунального гражданства», требовавшегося от членов культурных и научных элит с 1930-х до 1953 года было публичное и непубличное доноительство, в

некоторого плюрализма в толкованиях официальной доктрины и официального дискурса. Возможность этого плюрализма поддерживалась и тем, что борьба элит в СССР вновь – и впервые после 1920-х годов – выплеснулась в публичное пространство: в 1957 году впервые с 1920-х в СССР было объявлено о разоблачении «антипартийной» группировки «Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова» [Молотов, Маленков, Каганович 1957].

Предлагаемое далее исследование показывает, однако, что новое понимание общественности родилось не в 1950-е годы, а раньше, и опиралось на опыт не только 1920-х годов, но и дореволюционный.

особенности – готовность публично дискредитировать ближайших друзей. См. об этом, например: [Левинсон 2015], [Платт 2013].

3 Педагогическая публицистика и военная аналитика Бориса Журина: предвосхищение оттепельного проекта «общественности» в 1939 году

Эта работа представляет собой опыт в жанре микроистории. Благодаря интересу к «малым жизненным мирам» микроистория дает возможность проникновения в «неисследованные области социальной истории» [Medick 1994; Медик 1994]. Герой нашего повествования по уровню образования и социальным амбициям, конечно, ближе не к самоучке-мельнику, ставшему объектом дознания в инквизиционном процессе [Гинзбург 2000], но к невшательскому виноделу, вступившему на службу в Ост-Индскую компанию, а затем издавшему несколько брошюр, посвященных перспективам колониальной политики [Гинзбург 2004]. Иначе говоря, наш герой был весьма плодовитым автором и человеком с масштабными социальными амбициями, которые ему, по крайней мере отчасти, удалось реализовать. Опережая события, упомяну о том, что переломным и ключевым в его писательской и общественной биографии, в осмыслении им собственного профессионального пути стал 1939-й год: именно это обстоятельство и заставило меня предложить свою статью для этой тематической подборки.

Борис Иванович Жури́н (1890—1964), чей личный архив нам случайно удалось обнаружить в фондах Государственного архива Российской Федерации⁷, фигурирует в путеводителях и описях как «педагог-общественник». Эта дефиниция верна, но лишь отчасти: с одной стороны, она описывает большую часть документов этого личного архива (составляющего более 600 единиц хранения!), сданного в ГАРФ вдовой в 1966 году, с другой – явным образом соотносит профессиональную деятельность Журина с последней его аффилиацией: в 1961—1964 гг. он был заместителем руководителя секции родительской общественности Центрального совета педагогического общества РСФСР. Однако за предшествующие поступлению на службу в Педагогическое общество полстолетия Жури́н успел прожить столь интенсивную и разнообразную в профессиональном отношении жизнь, что одного этого определения было бы явно недостаточно.

Выпускник коммерческого училища Общества распространения коммерческих знаний (1908), студент юридического факультета Московского

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 421.

университета (1909—1912, 1919—1921), учащийся школы прапорщиков (1912--1914), участник Первой мировой войны (1914--1918), перешедший, если верить его анкетам и автобиографиям, в 1918 году на службу в Красную Армию, штатный преподаватель школы связи РККА (1920—1922). В 1922 году Журин оставляет военную службу и вступает на профессиональную стезю, ранее проложенную учебой в коммерческом училище и МГУ: в течение 1920-х и почти всех 1930-х годов он работает на разных управленческих должностях в организациях, занимающихся торговлей и строительством [Черновик автобиографии 1940]⁸. Его публикации этого периода преимущественно посвящены вопросам техники строительства из бетона [Журин 1927; Журин Б.д.].

Однако в 1939–1940-м годах Журин совершает крутой профессиональный поворот: в июле 1939 года по заданию академии им. Фрунзе он принимается за работу над книгой по истории Первой мировой войны [Черновик автобиографии 1940] и вновь поступает на военную службу [Материалы о выходе на пенсию 1955: 8], которую не оставляет уже вплоть до выхода на пенсию в 1957-м⁹.

Тем не менее, сам Журин наверняка согласился бы с именованием его «педагогом-общественником». Оба слова, входящие в это определение, были ему и дороги, и близки. Журин, несомненно, считал себя педагогом. В своей административно-строительной деятельности он стремился к тому, чтобы передать коллегам знания о новых технологиях в профессии, отсюда – и преподавание в институтах, и несколько учебных пособий о свойствах бетона; его деятельность в статусе военного эксперта и военного историка отмечена постоянным импульсом к передаче знаний и опыта (об этом пойдет речь ниже), наконец, сама его

⁸ В 1922—1923 гг. – зав. отделом сбыта Москоустпрома, 1923—1924 – зав. отделом договоров и организации производства Мосгубстройсоюза, в 1924-м – членом правления Мосстройдома, в 1924—1934 – членом правления, зам. председателя, директором-распорядителем и членом Главного правления Техбетона, в 1935-м – помощником главного инженера Моспромпроекта, в 1936—1940-м – помощником главного инженера по организации строительного производства в Стройэлектро, Строймеханизации и НИЛЭС Наркомстроя СССР [Черновик автобиографии 1940]. Параллельно Журин преподавал в 1932—1935 гг. в Строительном курсовом институте НКТП СССР и в Московском строительном институте [Перечень работ 1958].

⁹ Военная биография Журина 1939—1957 годов включает в себя работу в академии им. Дзержинского, службу во время Великой Отечественной войны последовательно в должностях помощника начальника штаба артиллерийского механического корпуса, старшего помощника и начальника артиллерийского отдела штаба 16-й армии, старшего помощника начальника оперативного отдела Западного фронта и 3-го Прибалтийского фронта, а в самом конце войны – в отделе боевого применения артиллерийских стрелково-тактических курсов. В 1945—1953 гг. Журин был преподавателем Высшей офицерской артиллерийской штабной школы, а в 1953—1957 гг. – сотрудником научно-исторического отдела Артиллерийского исторического музея в Ленинграде [Активное творчество офицера 1957].

общественная деятельность с конца 1930-х была посвящена проблемам воспитания и детей, и родителей.

Однако и вторая часть определения – «общественник» -- также была неотъемлемой частью самоидентификации нашего героя. Свой социальный активизм, включая и членство в Педагогическом обществе, он осмыслял именно в рамках концепта «советской общественности». О том, как Журин представлял себе социальную миссию советской общественности, еще пойдет речь ниже, но в этой, вступительной, части нужно вернуться к ее исходному тезису: поворотным моментом в общественной деятельности Журина (как и в его профессиональной биографии) оказался все тот же 1939 год.

Осенью 1939 года Б.И. Журин пишет и готовит к изданию книгу под названием «Родительская общественность в домах». Ее основной тезис сводится к тому, что для обеспечения наилучшей успеваемости детей и для поддержания общественного порядка следует создавать родительские комитеты при домах и домоуправлениях, то есть по месту жительства детей, а не по месту их учебы. В обязанности такого родительского комитета должно входить наблюдение за воспитанием детей в семьях, а также организация для них особого социального пространства – клуба или уголка самодеятельности, где дети могли бы готовить домашние задания, играть и заниматься в кружках.

За этой небольшой книгой стоит твердая убежденность автора в неспособности многих семей справиться с воспитанием собственных детей и неспособности школы исправить эту ситуацию:

«Виновниками «плохих» ребят всегда оказываются их родители и те условия, которые они создают своим детям в семье.

Нет плохих ребят – есть плохие воспитатели.

Некоторая часть родителей и семей требуют посторонней помощи в деле воспитания их детей. <...>

Воспитание «непокорных» ребят в большинстве случаев нужно начинать с помощи и воспитания их родителей.

Эти задачи не под силу поднимать одной школе.

В этом деле нужна помощь широкой общественности» [Родительская общественность 1939: 5].

Вероятно, идея внешкольной системы контроля над семейным воспитанием была подсказана Журину его опытом работы в школьных родительских комитетах, в

которых он, будучи отцом двух дочерей-школьниц, состоял в предыдущие несколько лет. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что на должности председателя родительского комитета Журин пытался проводить очень жесткую политику, включавшую постоянное «оглашение» на родительских собраниях имен двоечников, прогульщиков и нарушителей дисциплины, «прикрепление озорников к родителям отличников», «установление связи с местными и завкомами мест службы родителей и обязательное извещение мест службы родителей в случае буйного поведения и пьянства родителей и деморализации детей родителями», «организацию показательных судов над родителями, разлагающими своих ребят», и т.д. [Перечень мероприятий 1937: 4].

Можно предположить, что предложенные Журиным в 1936/37 учебных годах меры или не были приняты, или оказались малоэффективными. В книге 1939 года он с горечью констатирует, что советская школа «не всегда легко справляется с делом воспитания ребят» даже в своих стенах, а в остальное время дети оказываются и вовсе вне сферы ее досягаемости (Журин использует популярное еще с 1920-х годов слова «безнадзорный»): «Две трети времени ребята остаются под надзором своих родителей. А иногда вместо родителей различных «соседок», «бабушек» и др. случайных воспитателей, или полностью предоставленными самим себе, подвергаясь влиянию различных компаний во дворах и на улице» [Родительская общественность 1939: 6].

Тогда Журин изобретает альтернативный социальный институт воспитания и контроля: «Громадные жилые дома г. Москвы, где иногда живет 100-200 и более ребят, являются такой же «школой», значащей иногда даже больше в воспитании ребят, чем та настоящая школа, в которой ребята пребывают всего лишь 4-6 часов» [Родительская общественность 1939: 8], а значит, при этих домах нужно организовать «комитеты родителей», в которые будут входить также и «взрослые ребята – комсомольцы». Этим комитетам или выполняющим те же функции культкомиссиям, уже существующим при многих домах, и будет доверена функция контроля за воспитанием детей, воспитания родителей, не умеющих воспитывать своих детей, и, наконец, организация детского досуга.

В основу своего институционального проекта Журин кладет идею полной проницаемости частной (в том числе и семейной) жизни человека для внешних наблюдателей: прежде всего, уполномоченных от государства и той самой общественности, которую он пытается создать с помощью придуманных им новых

социальных институтов. Рассказав несколько историй о том, как в одних семьях родители нещадно бьют своих детей, в других – не обращают внимание на их хулиганское поведение, а в третьих – беспросветно пьют, Журин предлагает считать эти родительские девиации таким же серьезным проступком перед государством и обществом, как и служебные и должностные преступления: «Почему каждый из нас подконтролен и отчитывается ежедневно, ежемесячно и ежегодно в своей работе на службе и почему он ни перед кем и никогда не отчитывается в своем отношении к детям и своем поведении в семье?» [Родительская общественность 1939: 12].

Журинская идея родительских комитетов в домах, равно как и предшествующие его предложения об организации показательных судов над нерадивыми родителями, на первый взгляд, представляют собой образцовые иллюстрации к концепции «светской реформации» советского периода, предложенной Олегом Хархординым в его знаменитой книге «Обличать и лицемерить» [Хархордин 2002]: налицо горизонтальный контроль коллектива над отдельной личностью, опубличивание частной жизни... По-видимому, Журин отправлялся от понимания «общественности», характерного для второй половины 1930-х – связь семейной жизни с государственной социальной политикой, активное участие членов семьи (обозначающих себя в публичном пространстве именно через семейное положение, как жены инженерно-технических работников) в социальных мероприятиях. Однако различия журинской трактовки от парадигмы сталинского времени очень заметны: коллектив у Журина обладает достаточной степенью автономии, и принадлежность к этому коллективу диктуется не местом работы или профессией, не партийностью или идеологической солидарностью, но самим фактом совместного проживания в одном многоквартирном доме и сознательной социально активной позицией (важно, что речь идет именно о социальном, а не идеологическом активизме!).

Фактически придуманные Журиним родительские комитеты в домах представляют собой аналог местных сообществ, *local communities* -- социальных акторов, которые начали играть большую роль в американском образовании с конца XIX -- начала XX века, под влиянием идей прогрессистского движения в образовании (*progressive education movement*) и конкретно работ Джона Дьюи [см., например: Crick, Tarvin 2012; Morton, Saltmarsh 1997; Savage 2002]. По Журину, для того, чтобы деятельность местного родительского комитета была успешной, необходимо, чтобы его члены действительно хотели что-то сделать для детей и были

бы готовы тратить на это силы и время, но кроме того, действовали бы слаженно между собой и в тесном сотрудничестве с жилконторой, райисполкомом, администрацией и родительскими комитетами близлежащих школ. Приводя в книге несколько примеров удачной организации досуга детей в московских многоквартирных домах, Журин комментирует один из своих кейсов следующим образом:

«Почему в Луковом переулке люди сумели так хорошо поставить работу с детьми?

Потому, что там исключительно хорошо сработались три основных звена: форпост, управдом и родители. Потому, что там люди не ждали, пока кто-то другой займется детьми, а сами за это взялись. Потому, наконец, что там и управдом и родители не только любят детей, но и доказывают эту любовь делом» [Родительская общественность 1939: 18].

Собственно, книга «Родительская общественность в домах» не была голым теоретизированием социального прожектера. Ее созданию предшествовала организационная работа, которую Журин описал в заключительных параграфах книги: 4 июля 1939 г. он подал записку в Президиум Пролетарского райсовета г. Москвы с предложением об организации «комитетов родителей... в крупных домах района», а 16 августа 1939 года, за неделю до подписания пакта Молотова-Риббентропа и за две недели до начала Второй мировой войны, пленум Пролетарского райсовета принял соответствующее постановление, легализовавшее деятельность «родительской общественности при домоуправлениях» [Родительская общественность 1939: 20]. К ноябрю Журину удалось пролоббировать и постановление, обязывавшее директоров школ, находящихся на территории Пролетарского района, содействовать созданию домовых родительских комитетов и даже самостоятельно организовывать их совместно с управдомами, а начальникам жилуправлений -- ассигновать в 1940 году соответствующие суммы на работу комитетов [Родительская общественность 1939: 22].

В качестве приложения к книге предлагалось опубликовать «План мероприятий Пролетарского райсовета по организации Комитетов родителей в домах для коммунистического воспитания ребят в помощь школе»: тщательно проработанная таблица, в которой самым подробным образом прописывались все организационные шаги – от первого совещания в райсовете (начало августа) до организации детских клубов при уже существующих родительских комитетах на

местах (т.е. в домах). Наибольшее внимание в этом плане уделялось взаимодействию государственных учреждений, органов управления и общественных организаций; способам извещения одних о решениях и деятельности других, формам контроля над исполнением решений; информированию о ходе работы [Родительская общественность 1939: 36—38]. Социально-функциональное многообразие участников было необычным для социальных схем 1930-х (упомянем здесь также школьные и районные пионерскую и комсомольскую организации, учителей, домоуправления и жилконторы, артели -- арендаторы нежилых помещений дома, на средства которых и должен был бы существовать детский клуб, и т.д.). Однако при условии успешного развития событий взаимодействие этих акторов должно было дать впечатляющий результат. Весь процесс создания родительских комитетов и детских клубов при них должен был, по плану Журина, занять полтора месяца (в Пролетарском районе -- с 1 августа по 15 сентября 1939 года), каждый из пунктов его плана предусматривал «шаг» не более, чем в 5 дней, что, разумеется, потребовало бы от всех участников и исполнителей большой слаженности и оперативности.

Судя по тому, что в книге Журина приводятся примеры функционирования уже созданных родительских комитетов и детских клубов, датируя отдельные события октябрём и ноябрём 1939 года, свою книгу он оперативно написал в конце ноября – декабре, преследуя достаточно амбициозную цель – издание в скорейшем времени «правительственного постановления об организации родительских комитетов в домах с возложением на райсоветы обязанности руководства этим делом», т.е. распространения опыта Пролетарского района Москвы на всю страну.

В 1939—1941 гг. Журина развил чрезвычайно активную деятельность по продвижению своего проекта, но на первых порах смог лишь частично добиться успеха – постановление Моссовета о родительских комитетах в домах было принято в марте 1941 года, до общесоюзных регламентаций дело так и не дошло, а его книге пришлось ждать публикации долгих тринадцать лет [Перечень работ 1958: 2, 3].

Посмотрев на обширный перечень докладов, выступлений, экспертных заключений, публикаций в периодических изданиях по вопросам родительской общественности¹⁰, осуществленных Журиным в 1939—1941 годах, можно было бы

¹⁰ В списке своих публикаций и экспертных работ 1939—1941 гг. он называет «выступление на 1-й Всероссийской научно-педагогической конференции учителей школ РСФСР по вопросу «О родительских комитетах в домах» (29.12.1939)», «составление докладов и выступление в школьных

заключить, что этот проект был для него поистине всепоглощающим. Однако не будем забывать, что он занимался этими вопросами исключительно в часы досуга и без какого-либо материального вознаграждения, ибо основная его работа была далека от проблематики школы и воспитания. В том же июле 1939 года, когда Журин подает записку в президиум Пролетарского райсовета с предложением об организации комитетов родителей при домах, он принимается за большой труд по военной истории по заказу Академии им. Фрунзе. Заглавие этой книги, вышедшей в 1943 году и защищенной вскоре после этого в качестве кандидатской диссертации, может послужить прекрасным подтверждением действенности фуколдианского понятия эпистемы. Книга называется «Взаимодействие артиллерии с пехотой и авиацией на прорыве укрепленной полосы 8-ой армией у г. Станиславува в 1917 г.»¹¹. Она посвящена истории знаменитого (последнего в продолжение Первой мировой войны) наступления русской армии в июне 1917 года, которым на Юго-Западном фронте, где и воевала 8-я армия, командовал Л.Г. Корнилов (в книге, кстати, ни разу не упомянутый)¹². Журин принимал участие в этом наступлении в качестве «ближайшего помощника Начальника артиллерии всей основной и ударной группы» [Взаимодействие 1940, Т. 1: 9] Основная мысль книги заключена уже в ее названии: удача наступления была связана с тесным взаимодействием всех родов войск, принимавших участие в операции, а также с результативной артподготовкой, проведенной по результатам авиаразведки и аэрофотосъемки.

Эти выводы Журин экстраполирует и на современную ситуацию: «Взаимодействие различных родов оружия – главным образом пехоты с артиллерией, кавалерией и авиацией, слаженность в работе штабов и командного состава генерального штаба с теми же родами войск, представляет собой важнейший

секциях Сталинского, Красногвардейского и др. районов и [в] школьной секции Моссовета «Об опыте организации родительских комитетов и клубов для детей в домах 1940—1941 гг.», «Составление проекта положения о родительских комитетах в домах (в комиссии при школьной секции Моссовета)», «...проработку доклада и выступление на съезде представителей родительских комитетов в домах, а также организацию выставки работ детских клубов в домах при доме пионеров в Москве, организованных МК ВЛКСМ, Мосгороно и Мосжилуправления 5 марта 1941 г. в Центральном доме пионеров», и мн. др.

¹¹ В публикации 1943 года книга называлась «Взаимодействие артиллерии с другими родами войск при прорыве укрепленной полосы 8-й русской армией у Станиславува» (М.: Военное издательство Наркомата обороны, 1943). На титульном листе хранящейся в архиве рукописи стоит 1940 год, однако уже упомянутые выше архивные источники однозначно указывают на лето 1939-го как на время начала работы над книгой.

¹² В результате наступления были захвачены свыше 7 000 пленных и 48 орудий (Журин называет другие цифры: 10 – 12 000 пленных и 60 орудий), а также взяты города Станислав, Галич и Калуш. Впрочем, результаты наступления не были закреплены: к июлю 1917 года большая часть русской армии уже отказывалась воевать, и солдаты массово покидали окопы. Вскоре на это наступление германская армия ответила контрударом.

фактор, влияющий на результаты боевых действий армии. <...> Результат боя будет всегда зависеть от того, насколько умело взаимодействуют между собой войска» [Взаимодействие 1940, Т. 1: 60]. Он идет еще дальше и настаивает на том, что вопрос взаимодействия войск, по сути, центральный и для военной теории, и для военной практики, и уровень его решения является наиболее точным показателем состояния вооруженных сил: «В вопросе взаимодействия и увязки участвующих в бою отдельных родов войск, как в фокусе концентрируются основы всей идеологии морального состояния научных, технических и материальных достижений и обеспечения данной армии. <...> Практическое разрешение вопросов взаимодействия между отдельными родами войск должно быть идеалом, к которому устремляется командование каждой армии» [Там же].

Уже по проекту создания родительских комитетов при многоквартирных домах было заметно, сколько много внимания уделяет Журин подготовительному периоду. В случае организации армейского наступления здесь фигурировали прежде всего разведка, надлежащее оформление полученных разведданных и их умелая систематизация, а также постоянное наблюдение за позициями противника, осуществляемое на специально оборудованных для этого пунктах и с аэростата, с обязательной немедленной передачей результатов по телефонной связи [Взаимодействие 1940, Т. 2: 3].

Сложные интеракции родительских комитетов в домах, родительских комитетов в школах, администрации школ, райсоветов, райкомов и школьных комитетов ВЛКСМ, жилконтор и т.д., равно как и взаимодействие родов войск при наступлении Журин изображал с помощью многосоставных схем, некоторые из которых вошли в его статьи и книги [Журин 1943; Журин 1952], а некоторые сохранились в архиве¹³.

В целом, любые сознательно простроенные горизонтальные связи Журин полагает индикатором общественного развития и залогом успешности самых разнообразных начинаний – от армейских наступлений до ликвидации ученической неуспеваемости, полагая при этом одиночные и нескоординированные действия заведомо обреченными на провал. В конспекте своего выступления на учительской

¹³ См., например: «Схема успеваемости учеников дома по Котельнической набережной. 1939—1940» (Д. 568), «Схемы связи школы с семьей с род. комитетами» (Д. 569), «Схемы связи завода со школой и семьей и с семьями колхозников» (Д. 571), «Схема организации родительского комитета и детского клуба в домах» (Д. 572), «Схема организации районного совета друзей и детей молодежи» (Д. 573), «Проект и схема плана взаимодействия родов войск для уничтожения прорвавшихся «ударных клещей» противника» (Д. 580).

конференции Пролетарского района Журин зафиксировал два примечательных тезиса: «Семья – единоличное хозяйство в нашей социалистической общественности <...> Разрушить стену» [Тезисы выступления 1940: 2]. Примечательно, что при всех многозначительных намеках на кулачество и коллективизацию, Журин не говорит здесь о необходимости разрушения семьи или замены ее в социалистическом обществе новым институтом («семейным колхозом»), но лишь о кооперации семей, где даже после создания вспомогательных институтов контроля и взаимопомощи родители сохраняют единоличную ответственность за результаты воспитания своих детей. Точно так же Журин подробно описывает дезинтеграцию между различными родами войск в имперской армии, имевшую, согласно простроенной риторике его книги, классовый характер:

«Армия, впитавшая в себя, наряду с представителями аристократической верхушки нашей плутократии, мелкопоместное, обедневшее дворянство и новую нарождавшуюся буржуазию, не была спаяна в единый армейский коллектив, стремившийся к одной цели, а жила и работала раздробленной на целый ряд обособленных прослоек и групп. <...> Основными группами были роды войск: пехота, артиллерия, кавалерия. Между этими группами была, можно сказать, даже без преувеличения – вражда. <...> Антагонизм еще более упорный был ко всем остальным частям войск со стороны привилегированной части верхушки царской армии – гвардии всех родов оружия и офицеров, окончивших академию Генерального штаба, представлявших собой замкнутую касту людей, мнивших себя “солью земли”» [Взаимодействие 1940, Т. 1: 60—61]. Тем не менее, даже в этой, неинтегрируемой, с марксистской точки зрения, армии пришлось прийти к идее взаимодействия, без которой невозможны были бы никакие успешные операции.

И в военно-исторических, и в педагогических работах Журина идея горизонтальной кооперации преподносится как остросовременная, более того – модерная. Он говорит о том, что сама многосоставная и разноуровневая структура социальных проектов и событий требует таких же сложных моделей их социальной реализации. Вот характерная цитата из педагогической книги, подводящая к изобретению «родительских комитетов при домах»: «Существующие формы организации родительской и детской общественности в виде родительских комитетов, комсомольских и пионерских организаций, видимо, еще не охватывают всей сложности всех внешкольных мероприятий» [Родительская общественность 1939: 13].

Обе созданные Журиным в 1939 году «теории взаимодействия» стали его главными «коньками» и в профессиональной, и в общественной деятельности на ближайшие 25 лет, до самой кончины. Он равно дорожил той и другой и не жалел сил для их продвижения. Интересно, что в критических ситуациях, когда для реализации одного из его проектов требовалась политическая воля, он прибегал к сходным решениям. Так, в начале 1941 года, добившись постановления Моссовета об организации родительских комитетов при домах на территории Москвы, Журин составил письмо А.А. секретарю ЦК ВКП(б) Жданову, подписать которое в качестве «паровозов» попросил летчицу А. М. Раскову, вдову Валерия Чкалова – Ольгу и С.Я. Маршака, бывшего в то время депутатом Моссовета [Материалы комиссии 1941: 1]¹⁴. В письме, почти с дословным цитированием книги 1939 года, обосновывалось значение этих местных форм контроля за воспитанием детей в семьях и необходимость их скорейшего распространения, а затем назывался конкретный виновный в пробуксовывании соответствующего решения на уровне Наркомпроса: «В начале марта Мосгороно (тов. Орлов) утвердил положение о родительских комитетах в домах. <...> Наркомпрос (начальник управления школ тов. Парфенова) не только не возглавила это дело, но своим упорным бездействием препятствует его широкому развитию» [Материалы комиссии 1941: 10].

Дальнейшей борьбе за насаждение домовых родительских комитетов помешала война, однако сразу же по возвращении с фронта Журин продолжил мостить дорогу для реализации своего начинания – уже в октябре 1945 года была опубликована его первая после военного перерыва статья на эту тему [Журин 1945].

История популяризации и воплощения идеи взаимодействия родов войск имеет очень похожую траекторию. Журин заканчивает свою книгу в 1940 году, а в 1941-м уже начинает публикацию ее фрагментов в «Военно-артиллерийском журнале». По его собственным воспоминаниям, в июне 1941 г. книга была отослана для рецензирования в Ленинград, но ее путь к читателям прервали начавшаяся война и блокада города¹⁵. Журин оказался в действующей армии в самые первые дни войны¹⁶, уже в октябре 1941-го он опубликовал в армейской газете статью о взаимодействии разных родов войск – но не в наступлении, а в обороне [Журин

¹⁴ В другом экземпляре письма вместо Маршака фигурирует В.И. Лебедев-Кумач, «орденоносец, депутат Верховного Совета СССР и Мосгорсовета» [Письмо Жданову 1941: 1]

¹⁵ См.: «Редактирование книги ген. м. Сивковым ноябрь 1940 -- март 1941 <...> направление книги в Ленинград для печати в начале июня 1941 г.» [Активное творчество 1957: 19]

¹⁶ Сохранился его краткий военный дневник: [Журин 1941].

1941а], однако в этот момент его идеи, по-видимому, так и не были широко восприняты.

Летом--осенью 1942 года Журин стал свидетелем кровопролитного и, по мнению многих военных историков, провального наступления советской армии под Ржевом (т.н. Ржево-Сычевской наступательной операции) [Glanz 1999]. Общие потери советских войск в этой операции составили более 300 000 человек, продвижение по фронту -- несколько десятков километров (каждый километр территории отвоевывался по одной-две недели), а Ржев так и не был в результате взят -- точнее, взят, но позже вновь потерян.

30 сентября 1942 года Журин направил составленную им Докладную записку, адресовав ее наркому обороны И.В. Сталину, заместителям наркома обороны Н.Н. Воронову и А.А. Новикову и начальнику политического управления Красной армии А.С. Щербакову. Сохранившаяся в архиве Журина машинописная копия этой записки озаглавлена «Невозможно дольше молчать» [Докладная записка 1942]. Скорее всего, этот заголовок отсутствовал в оригинале, однако он очень точно передает настроение автора в момент, когда он решился на столь резкий критический жест.

Согласно Журину, одной из значимых причин неудач Ржевской операции было отсутствие координации между разными родами войск: авиация передавала полученные разведданные исключительно в штаб, и до артиллерии они доходили только через 1—2 дня, в то время как во время наступления эти данные должны были передаваться непосредственно на батареи и в пехотные части, что позволило бы артиллерии вести огонь по перемещавшимся войскам противника, а пехоте -- прорывать фронт. Более того, тактическая разведка в этой операции вообще не считалась первоочередной целью операции -- таковыми были признаны бомбометание и дальняя разведка. Это мешало и самой авиации, так как бомбометание осуществлялось по целям, намеченным за 5—6 дней до того, что в условиях мобильности противника (напомню, что Ржев был крупным железнодорожным узлом) наполовину обесмысливало работу бомбардировщиков. Журин в ужасе писал о том, что приемы подобного взаимодействия войск были успешно отработаны еще в российской армии времен Первой мировой войны, когда уровень технического оснащения был значительно ниже, а количество используемых при наступлении самолетов -- в сотни раз меньше («Мне, участнику организации прорывов еще в мировую войну 1914--18 гг., было жутко наблюдать, как действие

такой массы самолетов в наше время в 1942 г. проходило наполовину впустую, благодаря отсутствию должной организации – при наличии всех средств и возможностей» [Докладная записка 1942: 2—3¹⁷]. Впрочем, помимо отсутствия стратегического мышления, Журин обвинял командиров среднего звена и в элементарном неумении договориться – так, специализированная авиагруппа, приданная артиллерии для разведки, оказалась «пасынком» ВВС и в ходе наступления фактически не использовалась.

Горькое резюме автора: «За отсутствие войсковой авиаразведки [и] полный отрыв нашей авиации (даже при ее превосходстве над противником) от артиллерии – наша пехота расплачивается своей кровью и несет излишние жертвы» [Там же: 1] сопровождалось подробнейшим планом действий, который был, по-видимому, в буквальном и переносном смысле взят на вооружение военачальниками. На сохраненной Журиным копии докладной записки приведена резолюция Г.К. Жукова: «Автор прав – указанное действительно имело место. Тт. Воронову и Новикову разработать инструкцию взаимодействия авиации с артиллерией для доклада т. Сталину. 5.10.1942» [Там же].

Не исключено, что благодаря привлечению внимания руководства страны и армии к проблеме взаимодействия войск сдвинулось с мертвой точки и дело публикации военно-исторической книги Журина: она вышла в свет в 1943 году и была, если верить воспоминаниям ее автора, разослана «по всей действующей армии» [Активное творчество 1957: 23]. По свидетельству Журина, предложенная им система взаимодействия артиллерии с разведывательной авиацией и пехотой была реализована при прорыве немецкой обороны на участке Псков-Остров и при освобождении Прибалтики [Активное творчество 1957: 24; Активное творчество 1955: 9]. Впрочем, сам Журин вынужден был позже признать, что до широкого применения его методик дело так и не дошло, поскольку «все эти мероприятия совместной разведки в пехоте и артиллерии изучались действовавшими войсками впервые» и «требовали большой и упорной работы по внедрению его во всех подразделениях артиллерии и пехоты» [Активное творчество 1955: 9].

В 1940—1950-е годы Журин принимал участие в подготовке учебно-методических пособий, так называемых «сборников боевых примеров» по взаимодействию артиллерии и других родов войск [Журин 1943а; Журин 1947], он

¹⁷ Здесь и далее подчеркивания принадлежат автору документа. – М.М., И.К.

также является автором обобщающей монографии [Журин, Ростовцев 1958]. Работа Журина в научно-историческом отделе ленинградского Артиллерийского музея в 1953—1957 годах увенчалась довольно радикальными выводами, которыми он смело делился в своих устных выступлениях: «В результате последовательного изучения истории артиллерии и преимущественно 18--19 и 20 вв. мне и пришлось встретиться с такими фактами: когда [каждая] последующая война в тактике использования артиллерии в начале войны значительно отставала от методов, применявшихся в предыдущей войне...» [Воздушная фоторазведка 1960: 44]

Десятилетие, отделяющее первую редакцию книги о домовых родительских комитетах от окончательной, принятой к публикации в «Учпедгизе», внесло некоторые изменения и в концепцию Журина, и в сам заголовок его труда: теперь речь шла о помощи, которую родительская общественность оказывает школе в воспитании детей. Фактически Журин призывал освободить школу от воспитательной работы с детьми во внеучебное время и дать ей возможность сосредоточиться на задачах обучения и контроля за дисциплиной в собственных стенах, ибо эти задачи она, по-видимому, не в состоянии пока решить самостоятельно¹⁸. И тут в первоначальную систему взаимодействия включается еще один социальный агент — трудовые коллективы, в которых работают родители, точнее даже, партийные и профсоюзные организации по месту их работы: именно туда школа должна направлять сведения об учениках с плохой успеваемостью и неудовлетворительным поведением, именно туда должны сообщать информацию о «неблагополучных семьях» домовые (в больших городах) или поселковые (в рабочих поселках и деревнях) родительские комитеты [Воспитание родителей 1955: 26--27]. Родительская общественность (т.е. социально активные и сознательные соседи и коллеги по работе) является, по мнению Журина, единственным ресурсом, способным компенсировать и исправить недостатки традиционных институтов, не справляющихся со своими главными функциями образования и воспитания — школы и семьи.

В период подготовки второго издания своей книги Журин предлагает редакторам скорректировать ее название, указав в нем оба направления деятельности

¹⁸ См.: «Таким образом, основными задачами совместной работы учителя и общественности по воспитанию родительских масс будет: 1) Полностью освободить школы и учителя от забот об исправлении внутренних неполадок в семьях учащихся; 2) Улучшить условия для детей при подготовке дома уроков и поднять их успеваемость в школе; 3) Дать возможность учителям сосредоточить свои основные усилия на улучшении учебно-воспитательного процесса в школе» [Школа, семья и советская общественность 1953: 8].

родителей-общественников, а значит, и два наиболее кризисных участка работы: «Считаю, что в наименование 2-го издания книги следует внести слово «семья» с тем, чтобы она называлась так: “Родительская общественность в помощь семье и школе”» [Письмо в «Учпедгиз» 1955: 1].

По-видимому, в этой замене Журин учел ту интерпретацию, которую приобрела его инициатива в последние годы сталинского периода. Публикации Журина конца 1940-х, а затем и выход его книги в 1952-м имели некоторый резонанс: при домоуправлениях в разных уголках СССР стали создаваться родительские комитеты. Эти действия были спорадическими и зависели от конкретных решений местных властей. Так, 18 марта 1952 года совет города Раменское Московской области принял постановление «Об улучшении дисциплины детей на улицах и в общественных местах», в котором потребовал создать при «больших домах» родительские комитеты [Постановление 1952]. Журнал «Огонек» еще в 1950 году прославлял работу родительского комитета при одном из домоуправлений в самом центре Москвы (на улице 25 Октября, ныне Никольской, которая отходит непосредственно от Красной площади), в котором «жены-общественницы» -- здесь «выныривает» слово, которого Журин не употреблял – отучили от хулиганства некоего Толю М., судя по контексту – единственного сына матери-одиночки. В статье утверждалось, что в Москве действует более 1000 родительских комитетов при домоуправлениях и что это – новая инициатива «советской общественности». Характерно, что сама эта публикация названа «Друзья семьи и школы» (курсив наш – *Авт.*) [Новосельский 1950].

Совершенно новый смысл идея внешней, социальной поддержки семьи получила в 1956 году. Н.С. Хрушев в отчетном докладе XX съезду КПСС вынес семье «вотум недоверия». Он предложил организовать новый для советской системы образования институт школ-интернатов, в которых дети могли бы проводить всю неделю и даже весь учебный год под присмотром воспитателей и педагогов, так как в семье они, по мнению Хрущева, лишены и присмотра, и надлежащего руководства. Первоначально Хрушев планировал постепенно переучредить всю систему среднего образования на школьно-интернатной основе, видя в этих учреждениях идеальную форму общественного (на деле – государственного) воспитания, то есть первые ростки коммунизма¹⁹. При общей скептической оценке потенциала семьи подход

¹⁹ См. об этом: [Майофис 2016]

Журина, в отличие от хрущевского, не предполагал освободить родителей от ответственности за воспитание детей, напротив, предполагалось, что эта ответственность будет возложена на них как первостепенный долг и обязанность перед государством, и напоминать о ней, равно как и корректировать неадекватное родительское поведение, будут органы «родительской общественности».

В некотором смысле концепция Журина гораздо ближе подходила к идее общественного воспитания при коммунизме, чем проект школ-интернатов у Хрущева. Однако в 1956—1964 годах (год смерти Журина совпадает с годом отставки Хрущева) обе эти концепции реализовывались параллельно, а сама «оттепель» совершенно отчетливо придала деятельности Журина новый импульс и новую мотивацию. Те идеи, которые в 1939 году Журин с огромным трудом продвигал через комиссии Моссовета и Наркомпроса и которые смог изложить в книжном, а не статейном формате только в 1952 году, в 1956—1964 годах вдруг оказались абсолютно созвучными духу времени и были приняты «на ура». 4 октября 1957 года уже не горсовет Раменского, а Совет Министров РСФСР принимает Постановление № 1099 «О мерах улучшения работы среди детей вне школы и предупреждения детской безнадзорности», где предписывалось создать родительские комитеты при домоуправлениях по всей республике [Постановление 1957]. Опыт работы таких комитетов стали обсуждать и пропагандировать интенсивнее, чем прежде — уже не в заметках в «Огоньке», а в брошюрах²⁰. Участники родительских комитетов в печати призывали диверсифицировать социальную работу домоуправлений и открывать при них, например, технические клубы для молодежи под руководством родителей-«общественников» [Доценко 1958].

После выхода на пенсию (1957) и возвращения из Ленинграда в Москву Журин удвоил, если не утроил усилия по пропаганде идей «родительской общественности». Количество его устных выступлений и докладов, газетных и журнальных статей, проектов законодательных актов в это последнее семилетие его жизни исчисляется десятками, если не сотнями. Он регулярно печатается в «Семье и школе», «Народном образовании», «Учительской газете», «Известиях». В 1956—1958 годах вместе с О. Чкаловой, Г. Макаренко, С. Дзержинской, К. Корниловым ратует за создание «Общества родителей» [Журин и др. 1958]. А в 1959 году

²⁰ См., например: [Из опыта работы 1958].

принимает активное участие в создании Педагогического общества РСФСР и разработке его устава [Журин 1960]. В рамках этой общественной организации Журин, наконец, находит возможность целенаправленно осуществлять работу по организации «родительской общественности», собственно, под его идеи Педагогическое общество и открывает одноименную секцию, в которой Журин становится сперва заместителем председателя, а потом и председателем. А в 1961 году, накануне XXII съезда КПСС, он разрабатывает в этой секции отдельный проект дополнений и корректив к III программе партии, чтобы осветить в ней подробнее роль семьи и, конечно же, родительской общественности.

«...Нам думается, что значение семьи, как активного фактора, в воспитании нового человека – остается при всех случаях любой помощи и даже замены семейного воспитания общественным», -- пишут О. Чкалова и Б. Журин в сопроводительном письме для газеты «Известия», вступая в подспудную полемику с первым секретарем ЦК Хрущевым. Журин предлагает на страницах новой программы партии вменить всем родителям в обязанность еще на этапе подготовки к заключению брака получать специальное образование (окончить т.н. «родительские университеты»), которое подготовило бы их к выполнению их миссии. Ну, а дальше – уже знакомые нам идеи о контроле, который осуществляют за воспитанием детей профсоюзные и партийные организации, родительские комитеты в школах и при домоуправлениях [Предложения по программе КПСС 1961: 5, 7, 11].

Но тут Журин вновь оказался не наравне с «веком» -- его поправки в III Программу партии внесены не были.

«Оттепель» дала Журину еще одно, может быть, даже более масштабное, чем в случае с родительской общественностью, подтверждение его давней правоты. Точнее будет сказать – она дала ему словарь для номинации и описания того, чем он занимался с конца 1930-х. Два сохранившихся в архиве доклада Журина 1956 и 1957 годов имеют сходные заголовки: «Творчество масс в войсковой артиллерийской разведке в помощь решениям высшего командования» и «Активное творчество офицера в научной и практической работе (по личному опыту)». Как это ни покажется странным, ни в одном из докладов речь не идет ни про самостоятельность, ни даже про досуг в целом. Оба текста посвящены профессиональным занятиям Журина и его ближайших коллег – военных ученых-артиллеристов и артиллеристов-практиков. На обложке первого конспекта, подготовленного в конце 1955-го для выступления в феврале 1956-го сделаны характерные пометки красным и синим

карандашом: «Доклад в Воен[но]-ист[орической] секции Д[ома] У[ченых] АН СССР 14.02.1956 (в день нач[ала] XX съезда)» [Активное творчество 1955: 1]. Можно предположить, что по завершении XX съезда Журину было очень важно установить корреляцию между теми переменами, о которых говорил он сам в докладе, и теми переменами, которые обещал XX съезд.

Более ранний из этих двух текстов является и более узко специализированным. Журин предлагает нововведения в методах артиллерийской разведки: «В задачи артиллерийской разведки наблюдением начиная с низовых звеньев входит не только разведка отдельных целей (огневых точек), но и а) изучение системы обороны противника, и расположения отдельных целей в опорных пунктах, узлах сопротивления <...> б) изучение танкоопасных направлений, направлений возможного наступления пехоты противника...». А это, в свою очередь, означает выход артиллерийского разведчика за пределы его узкой компетенции, необходимость обрабатывать и осмысливать информацию, совершенствовать собственную культуру наблюдения и мышления, наконец, учиться делать выводы и давать рекомендации. Сам Журин называет весь комплекс предложенных им антропологических реформ «использованием инициативы и творчества масс артиллеристов разведчиков в помощь высшему командному составу, планирующему бои и операции» [Активное творчество 1955: 5, 7].

В докладе 1957 года вопрос рассматривается уже более широко.

«а) Все мы независимо от характера работы добросовестно творим. Научные работники, хозяйственники, рабочие, служащие -- каждый на своем посту.

б) т.е. добросовестно выполняем свои обязанности путем:

напряженной, усиленной работы; затраты своих нервных, творческих усилий и знаний по специальности.

в) однако можно все добросовестно выполнять то, что тебе начальство приказало, но самому не проявлять никакой инициативы.

а) не интересоваться дальнейшей судьбой твоей выполненной работы, т.е. не смотреть немного вперед, а только себе под ноги и перед собой;

б) не вносить никаких предложений в работе по твоей специальности;

в) не думать в помощь своим начальникам, «им, мол, положено за всех нас соображать»;

г) моя хата с краю; сделал; отзвонил и с колокольни долой» [Активное творчество 1957: 5].

Таким образом, в понятийном словаре и в сознании Журина закреплена четкая дихотомия: безынициативной работы по приказанию (распоряжению) начальства и -- творческой, инициативной работы *в помощь* начальству. Обосновывая необходимость и неотменимость проявления творческой инициативы, Журин не стесняется в характеристиках, подрывающих и авторитет, и полномочия любых руководителей:

«...ведь кто такие все наши начальники...

Он не в силах сам один, или с коллективом своих помощников – всего предусмотреть по каждому делу и вопросу.

И потому... всякий начальник очень нуждается в этой помощи снизу. Почему? И кого?

Да потому, что Вы, как узкий специалист, лучше всех знаете свой предмет и то дело, которое делаете» [Активное творчество 1957: 8].

Итак, ключ подобран, слово найдено, активное творчество – вот что составляло суть занятий Журина на протяжении как минимум двадцатилетия²¹. Однако такое расширительное толкование понятия «творчество» было, скорее всего, знакомо Журину задолго не только до «оттепели», но и до 1939 года, когда он начал обосновывать в своих трудах идею социального и профессионального взаимодействия. В конспектах лекций, которые Журин читал в конце 1910-х – начале 1920-х годов в самодеятельных клубах, находится текст популярной лекции, предварявшей постановку фонвизинского «Недоросля» на сцене одного из сельских клубов, а в нем – фрагмент, прямо отсылающий к рассуждениям об активном творчестве 1955—1957 годов: «Несомненно, искусство – путь воспитания // Удаляет от будней // Дает радости // X Начало творчества // Для народа Недоросля полуграмотного – выявление творчества – главное // <...> V Творчество – во всех областях...» [Конспекты выступлений 1919: 26 — 26 об.]

Выражение «(живое/активное) творчество масс» берет свое начало из ранней революционной эпохи. Разумеется, в текстах конца 1910-х – начала 1920-х оно часто выступает предикатом термина «общественность» (см. в выступлении Ленина 4 (17) ноября 1917 г.: «Живое творчество масс — вот основной фактор новой

²¹ Сам Журин делал еще более масштабное обобщение: «Весь мой практический опыт за период времени с 1914 по 1957 сводился к: // Изучению, обобщению и внедрению в действующей армии и боевой подготовке войск новейших приемов боевого применения артиллерии во взаимодействии с разведывательной авиацией методом активного творчества» [Активное творчество 1957: 13].

общественности» [Ленин 1974: 35] и довольно скоро начинает противопоставляться бюрократии, тормозящей и удушающей любые ростки подобного творчества²². Однако вскоре после «великого перелома» «творчество масс» уходит из активного словоупотребления и, по аналогии с общественностью, возвращается только в «оттепель». Однако Журин использует выражение «активное творчество», сдвигая его смысл и развивая коннотации, заложенные в его противопоставлении «бюрократии»: активно творя, социальный субъект не просто преобразует реальность и побеждает энтропию – он становится способен увидеть и изобрести способы исправления тех недостатков и недочетов, которые не видны или неподвластны его начальникам. Велик соблазн предположить, что к подобному толкованию понятия «активное творчество» Журин пришел именно в 1939 году.

Мы подошли к центральному вопросу этой статьи, важному и для понимания биографии Журина, и для прояснения некоторых социокультурных контекстов 1939 года. Почему именно в этот проживший много лет в «тени» публичной жизни инженер-строитель вдруг решил резко сменить специальность и одновременно заговорить с широкой аудиторией?

Мотивация «военного» поворота в карьере Журина, как кажется, лежит на поверхности: сам он оставил несколько письменных свидетельств о том, что заставило его взяться за книгу по истории июньского прорыва 1917 года. Вот короткая цитата из конспекта доклада 1957 года: «Подготовка к великой Отечественной войне: ...готовили К[расную] А[рмию] исключительно на опыте Гражданской войны <...> Плохой отдел фотограмметрии в Акад[емии] Дзерж[инского]... не знал (не имел боев[ой] практики)» [Активное творчество 1957: 19]. В докладе 1960 года он был еще откровеннее: «В годы мирного строительства Сов. Армии с 1928-1941 годы // -- силы, мощь и техническая оснащенность С[оветской] Армии по сравнению с русской армией неизмеримо возросли <...> Несмотря на совершенную технику фотосъемки и дешифрования // Оперативно-тактическое использование данных фоторазведки перед Вел[икой] Отеч[ественной] войной требовало еще значительного усовершенствования из-за отсутствия опыта и информирования изучения практики Первой мировой войны. // В этом мне пришлось убедиться лично» [Воздушная фоторазведка 1960: 33, 34].

²² См., например: [Троцкий 1923; Сталин 1929: 110]

«Убедиться лично» в плачевном состоянии дел состоявший офицером запаса еще с 1922 апреля года строительный инженер Журин, по-видимому, смог во время военной переподготовки, на которую он попал в 1937 году²³. Опытный боевой офицер, конечно, не мог не увидеть, что Большой террор обернулся для Красной армии полным разрывом каналов передачи опыта – под каток репрессивной машины, как правило, попадали именно те представители командно-офицерского состава, которым довелось закончить военно-учебные заведения имперской России и повоевать на фронтах Первой мировой. Так, французский военный атташе, в те же месяцы анализировавший последствия этих событий, докладывал в Париж:

«1. Красная армия, вероятно, более не располагает командирами высокого ранга, которые бы участвовали в мировой войне иначе как в качестве солдат или унтер-офицеров. <...> 3. Уровень военной и общей культуры кадров, который и ранее был весьма низок, особенно упал вследствие того, что высшие командные посты были переданы офицерам, быстро выдвинутым на командование корпусом или армией, разом перепрыгнувшим несколько ступеней и выбранным либо из молодежи, чья подготовка оставляла желать лучшего и чьи интеллектуальные качества исключали критичную или неконформистскую позицию, либо из среды военных, не представляющих ценности, оказавшихся на виду в гражданскую войну и впоследствии отодвинутых, что позволило им избежать всякого контакта с «врагами народа». В нынешних условиях выдвижение в Красной армии представляет своего рода диплом о некомпетентности. <...> 6. Учреждение института военных комиссаров, усилия, прилагаемые для того, чтобы поставить во главе воинских частей офицеров, служивших в отдаленных друг от друга местностях и незнакомых между собой, и все более непосредственное наблюдение со стороны органов государственной безопасности ставит кадры Красной армии в положение невозможности полезной работы и лишает их всякой инициативы и увлеченности делом» [цит. по: Дессберг, Кен 2004: 37—38].

То же состояние упадка и кризиса компетентности диагностирует из-за границы в 1938 году и Л.Д. Троцкий: «У честных работников опускаются руки. Плуты, воры и карьеристы обдeldывают свои делишки, прикрываясь патриотическими доносами. Устои армии расшатываются. В большом и в малом

²³ «В РККА – прошел 2-х месячный курс в Аккусе'е в 1937 году» [Черновик автобиографии 1940: 2]. АККУС – по-видимому, переименованная аббревиатура КУКС – курсов усовершенствования командного состава.

воцаряется запустение. Оружие не чистится и не проверяется. Казармы принимают грязный и нежилой вид. Протекают крыши, не хватает бань, на красноармейцах грязное белье. Пища становится все хуже по качеству и не подается в положенные часы. В ответ на жалобы командир отсылает к комиссару, комиссар обвиняет командира. Действительные виновники прикрываются доносами на вредителей. Среди командиров усиливается пьянство; комиссары соперничают с ними и в этом отношении» [Троцкий 1938].

Хотя Журин исходил в своих оценках, скорее всего, из других данных, чем французский военный атташе Палас и давний политэмигрант Троцкий, и больше руководствовался собственными наблюдениями, чем полученными из чужих рук сведениями, трудно предположить, что он не разглядел угроз, которые нес с собой кадрово-компетентностный кризис армии, обезглавленной и обескровленной Большим террором. Он начинает работу над книгой в июле 1939-го, за месяц до заключения пакта Молотова--Риббентропа, и, конечно, с полным пониманием неизбежности войны — неважно, оборонительной или наступательной.

Интересно, по чьему именно приглашению Журин оказался в академии имени Фрунзе, кто заинтересовался его опытом организации взаимодействия войск в период Первой мировой войны, а также, по-видимому, его аналитическими способностями и преподавательским даром. Позднейшие воспоминания Журина проливают свет и на этот вопрос. В одном из докладов 1950-х он более подробно описывает подробности своего профессионального поворота: «...вызов в акад[емию] им. Фрунзе весной 1939 г. ген[ерал-] м[айору] арт[иллерии] Краснопевцеву. Работа в архиве. // ...вызов ген. Сивковым в артил[лерийскую] Академию им. Дзержинского. Зима--весна 1940» [Активное творчество 1957: 19].

Семен Александрович Краснопевцев (1896--1954) -- с января 1937 года — старший преподаватель кафедры вооружения и техники Академии им. Фрунзе, в феврале 1939-го получивший воинское звание комбрига, окончил в 1915 году Константиновское артиллерийское военное училище, прошел всю Первую мировую войну, в 1918 году перешел в Красную армию, участвовал в Гражданской войне и польском походе, дослужившись тогда до должности командира полка. Сходный, хотя и более стремительный в карьерном отношении путь проделал и Аркадий Кузьмич Сивков (1899—1943), закончивший в 1916 году то же Константиновское училище и так же, как его почти однокашник Краснопевцев, провоевавший в Первую мировую поручиком, а в Гражданскую дослужившийся до звания военкома

дивизиона. Оба сменили кадровую службу на преподавательскую: Краснопевцев поступил на кафедру артиллерии Академии им. Фрунзе в 1934 году, а Сивков в октябре 1937-го, в разгар Большого террора, был назначен начальником Артиллерийской академии им. Дзержинского²⁴. С высокой долей вероятности можно утверждать, что Краснопевцев и Сивков были не просто знакомы, но часто встречались и взаимодействовали друг с другом, и перевод Журина в 1940 году из общевойсковой академии в специализированную артиллерийскую был результатом их взаимной договоренности.

Оба патрона Журина принадлежали к тому же, что и он, поколению, так же, как и он, прошли окопы Первой мировой и Гражданской – только в чинах прибавляли быстрее и не вышли в начале 1920-х в отставку. Но в целом, по-видимому, в культурно-антропологическом смысле между ними было много общего, в том числе – и понимание вызовов, которые ставила перед советской армией приближающаяся новая война. Характерно, что при начале советско-финской кампании и Краснопевцева, и Сивкова вызвали в действующую армию: первый стал старшим помощником начальника артиллерии 13-й армии, второй – командующим артиллерией Северо-Западного фронта.

Необходимость взаимодействия родов войск при боевых операциях, как и почти недостижимый уровень сложности этой задачи, осознавались в 1939—1941 гг., по-видимому, практически всеми выжившими после Большого террора компетентными военачальниками. Этот вопрос стал лейтмотивом совещания высшего руководящего состава РККА, прошедшего в Москве 23-31 декабря 1940 г. Так, например, о трудностях организации взаимодействия войск подробно говорил в своей речи генерал А.А. Власов, а маршал Г.И. Кулик открыто признал, что взаимодействие артиллерии с авиацией в армии совершенно не отработано [Накануне войны 1993].

Характерно, что тот единственный участок фронта Великой Отечественной войны, на котором была принята и отработана методика Журина по взаимодействию артиллерии, авиации и пехоты (упомянутые им в докладах 1950-х Западный, а потом 3 Прибалтийский фронты), был летом 1944 года, в момент проведения упомянутых Журиным боевых операций, зоной ответственности все того же Краснопевцева, возглавившего в мае 1944-го артиллерию 3-го Прибалтийского фронта.

²⁴ Ранее, в 1936—1937 гг. Сивков был советским военным атташе в Великобритании, где работал по заданию ГРУ.

«Активное творчество перековавшихся и уцелевших» – так, наверное, можно было бы назвать сотрудничество Журина, Краснопевцева и Сивкова по изучению и усвоению организационного и технологического опыта Первой мировой войны.

Мотивация выхода Журина на публичную сцену в качестве пропагандиста идей совершенствования семейного воспитания и упорядочения контроля за родителями менее прозрачна, однако ее все же можно попробовать восстановить.

В одном из многочисленных списков публикаций, выступлений и экспертиз, составленном Журиным в последние годы жизни, фигурирует пункт, хронологически предшествующий началу работы над книгой о родительских комитетах в домах:

«Проработка программы «книги для родителей» в комиссии под председательством проф. Волковского при Государственном научно-исследовательском институте школ Наркомпроса РСФСР март 1939 – январь 1940 г.» [Перечень работ 1958: 2].

Упомянутая Журиным «книга для родителей» была издана в 1941 году под эгидой наркомпросовского Института школ [Воспитание детей 1941]. Она стала ответом на настойчивый запрос педагогического и родительского сообщества, формулировавшийся в том числе и на страницах «Учительской газеты» [см., например: Чуковский 1940]. Однако никаких текстов нашего героя в этой книге нет – да это и неудивительно. Через несколько месяцев после начала работы в комиссии Института школ он явным образом выбирает другой путь, настаивая на том, что нерадивых родителей нужно не просвещать посредством книг, но контролировать с помощью их более сознательных соседей, а родителей активных и интересующихся вовлекать в отношения горизонтальной кооперации, дабы создавать для детей дружественное общественное пространство, где они могли бы под «присмотром» готовить уроки, играть, заниматься в кружках, участвовать в самодеятельности, ездить в загородные поездки, и т.д.

Название, которое Журин дал в своем библиографическом перечне коллективной монографии 1941 года не случайно совпадает с названием одной из последних книг А.С. Макаренко [Макаренко 1937]; то же название фигурировало и в дискуссии, организованной «Учительской газетой» в конце 1939 – начале 1940 года. По сути, и Макаренко в 1936—1937-м, и комиссии Института школ Наркомпроса в 1939-м решали одну и ту же задачу – создание методической и дидактической базы для просвещения советских родителей. Журин, поначалу вовлеченный в работу

комиссии, эту задачу переформулирует или, точнее, ставит вместо нее ту, которую считает более релевантной на текущем историческом этапе.

По сути, Журин отталкивается от той же идеи, что и Макаренко: «Виновниками «плохих» ребят всегда оказываются их родители и те условия, которые они создают своим детям в семье» [Родительская общественность 1939: 4], - однако делает из этой предпосылки совершенно иные, чем его предшественник, выводы: «Некоторая часть родителей и семей требуют посторонней помощи в деле воспитания их детей. <...> Родители некоторых ребят нуждаются не менее своих детей в соответствующем воспитании, помощи, а иногда и воздействии. Воспитание «непокорных» ребят в большинстве случаев нужно начинать с помощи и воспитания их родителей. Эти задачи не под силу поднимать одной школе. В этом деле нужна помощь широкой общественности» [Родительская общественность 1939: 4, 5].

В стремлении создать концепцию, альтернативную идее воспитания детей в семье, выдвинув вперед задачи самоорганизации, Журин был не одинок. Другую, не менее сильную альтернативу «Книге для родителей» выдвинул в 1940 году Аркадий Гайдар в повести «Тимур и его команда»: здесь мы видим то же, что и у Журина, локальное сообщество – только это сообщество не родителей, заботящихся о детях, а, наоборот, детей, заботящихся о требующих специального внимания взрослых.

Гётц Хиллиг убедительно показывает, что начало работы А.С. Макаренко над «Книгой для родителей» -- от себя добавлю, и создание соответствующей комиссии в Институте школ Наркомпроса, -- были реакцией на изменившуюся в 1935—1936 году социальную политику советского государства [Хиллиг 1992: 85]²⁵, на выдвижение на первый план традиционного и, казалось бы, ниспровергнутого в 1920-е института семьи и идеи семейного воспитания. Можно предположить, что сформулированная Журиным в 1939 году концепция родительской общественности была продиктована фактическим признанием неспособности советской семьи самостоятельно, без дополнительного контроля и помощи, справляться с задачей воспитания детей. Как уже было указано выше, к такому, если не более пессимистическому выводу Журин пришел и в отношении советской школы (ранее отказал школе в этом праве и Макаренко, которого упрекали в проявленном в «Книге для родителей» нарочитом невнимании к школьному воспитанию). В этом контексте книга «Родительская общественность в домах» пессимистически

²⁵ Хиллиг полагает, что к работе над «Книгой для родителей» Макаренко приступил сразу бы после опубликования проекта постановления «О запрещении аборт...» (27.06.1938).

констатировала неуспешность первого этапа новой советской социальной политики, связанной с поворотом к семье.

Параллельное рассмотрение двух книг Журина, начатых в 1939 году, позволяет заключить, что их автор тогда понимал важнейшие социальные институты СССР – армию, семью и школу – как находящиеся в глубоком кризисе, а общество в целом – как фрагментированное и нуждающееся в срочном укреплении связей между отчужденными друг от друга элементами, в том числе – в организации новых информационных каналов. Все эти задачи должны были представляться Журину особенно острыми в условиях начинавшейся большой войны.

Свою докладную записку 1942 года Журин назвал «Невозможно больше молчать» (вероятно, бессознательно цитируя название знаменитого открытого письма Л.Н. Толстого). Однако в действительности этот прорыв из молчания к громкой публичной речи совершился не в 1942-м, а в 1939 году – в период первого осознания результатов Большого террора и плодов новой сталинской имперски-ориентированной политики.

4 Заключение

Среди главных трудностей, возникающих при исследовании социальной и институциональной истории СССР – нехватка источников и искажение информации в существующих – архивных и опубликованных -- документах, ее «подгонка» под идеологически выверенные клише, огромное количество умолчаний. В этих условиях особое значение приобретают обращение к приватным источникам и методы микроисторического анализа, которые до сих пор почти никогда не применялись для изучения институционального строительства (о причинах этого и перспективах преодоления этого разрыва см.: [Decker 2015]). Еще одним продуктивным методом может оказаться история понятий – учитывая, что в советских условиях разные акторы вкладывали в одни и те же слова разные значения, а это различие очень важно для понимания борьбы за определение институционализированных «правил игры» [Майофис, Кукулин 2015].

В совокупности эти методы позволяют увидеть социальную и культурную «изнанку» строительства институций, скрытую за реляциями о «новых инициативах» безличной «советской общественности». Предлагаемая работа, объединяющая микроисторию и историю понятий (мы уточнили некоторые выводы В. Волкова, касающиеся истории понятия «общественность») показывает, что некоторые данные по институциональной истории СССР могут быть получены только этими методами.

Библиография

- 1 Активное творчество 1955 -- Тезисы доклада Журина Б.И. офицерскому составу в/ч 21374 на тему: «Активное творчество офицера в научной и практической работе» (по личному опыту). Рукопись [1955—1956] // ГАРФ. Ф. 421. Д. 117.
- 2 Активное творчество 1957 -- Тезисы доклада Журина Б.И. офицерскому составу в/ч 21374 на тему: «Активное творчество офицера в научной и практической работе» (по личному опыту). Рукопись. [1957] // ГАРФ. Ф. 421. Д. 117.
- 3 Блюм, Меспуле 2008 -- Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине / Пер. с фр. В.М. Володиной. М.: РОССПЭН, 2008.
- 4 Взаимодействие 1940, Т. 1 -- Взаимодействие артиллерии с пехотой и авиацией на прорыве укрепленной полосы 8ой армией у г. Станиславува в 1917 г. Москва. 1940 [рукопись книги] Т. 1. // ГАРФ. Ф. 421. Д. 47.
- 5 Взаимодействие 1940, Т. 2 -- Рукопись книги «Взаимодействие артиллерии с пехотой и авиацией на прорыве укрепленной полосы 8ой армией у г. Станиславува в 1917 г.» [рукопись книги] Москва. 1940. Т. 2. // ГАРФ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 48.
- 6 Воздушная фоторазведка 1960 -- Тезисы выступления полковника Журина Б.И. «Воздушная фоторазведка в 1-ой и 2-ой мировых войнах (по личному опыту) 17 марта 1960 в В[оенно]-Н[аучном] О[бществе] // ГАРФ. Ф. 421. Д. 123.
- 7 Волков 1997 – Общество: забытая практика гражданского общества // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4.
- 8 Воспитание детей 1941 -- Воспитание детей в семье / Под ред. М.В. Сарычевой. М.: Учпедгиз; Научно-исследовательский институт школ Наркомпроса РСФСР, 1941.
- 9 Воспитание родителей 1955 – Жури́н Б.И. Воспитание родителей партийными и профсоюзными организациями на работе. Ленинград, 1955 [Текст статьи] // ГАРФ. Ф. 421. Д. 6.
- 10 Гинзбург 2000 – Гинзбург К. Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / Пер. с итал. М.Л. Андреева, М.Н. Архангельской. М.: РОССПЭН, 2000.

- 11 Гинзбург 2004 – Гинзбург К. Широты, рабы и Библия: опыт микроистории // Новое литературное обозрение. 2004. № 65 (<http://magazines.russ.ru/nlo/2004/65/gin3.html>).
- 12 Демьяненко, Дятлова, Украинский 2011 -- Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А., Украинский В.Н. Школа «Анналов» и ее вклад в исследование экономического пространства // Ойкумена. 2011. № 3. С. 55–72.
- 13 Дессберг, Кен 2004 – Дессберг Ф., Кен О.Н. 1937—1938: Красная Армия в донесениях французских военных атташе // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 37—38.
- 14 Докладная записка 1942 -- Докладная записка подполковника Журина Б.И. наркому обороны СССР тов. Сталину И.В. «Невозможно дольше молчать» 30 сентября 1942 г. // ГАРФ. Ф. 421. Д. 281.
- 15 Доценко 1958 – Доценко В., председатель родительского комитета. Родительские комитеты // Техника—молодежи. 1958. № 8. С. 14—15.
- 16 Журин 1927 Журин Б.И. Промышленное строительство из бетонитовых камней с железо-бетонным каркасом. М.: Учеб. тип., 1927.
- 17 Журин Б.д. – Журин Б.И. Развитие бетонитового строительства. М.: Всесопромсоюз; тип. изд-ва «Крестьянская газета», б.д.
- 18 Журин 1941 – Журин Б.И. Дневниковые записи Журина Б.И. (первая неделя второй мировой войны) // ГАРФ. Ф. 421. Д. 424.
- 19 Журин 1941a – Журин Б.И. Взаимодействие артиллерии с другими родами войск в обороне // Боевая тревога. 1941. 2 октября. С. 3.
- 20 Журин 1943 – Журин Б.И. Взаимодействие артиллерии с другими родами войск при прорыве укрепленной полосы 8-й русской армией у Станиславува. М.: Военное издательство Наркомата обороны, 1943.
- 21 Журин 1943a – Указания и программа для боевых примеров действия артиллерии, помещаемых в отдельных книгах «Артиллерия в боевых примерах Отечественной войны». М., 1943.
- 22 Журин 1947 – Действия артиллерийских подразделений в Великой Отечественной войне. Боевые примеры. Сб. 2. М.: Воениздат, 1947.
- 23 Журин 1945 – Журин Б.И. Родительские комитеты в домах // Коломенский рабочий. 1945. 2 октября. См. также: ГАРФ. Ф. 421. Д. 465.
- 24 Журин 1952 – Родительская общественность в помощь школе по коммунистическому воспитанию детей. М.: Учпедгиз, 1952.

- 25 Журин, Ростовцев 1958 – Журин Б.И., Ростовцев М.В. Артиллерийская разведка в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1958.
- 26 Журин и др. 1958 – Журин Б.И. и др. Больше откладывать нельзя [о необходимости организации «Общества родителей»] // Учительская газета. 1958. 13 декабря.
- 27 Журин 1960 -- Журин Б.И. Педагогику творят массы [о задачах и структуре Педагогического общества] // Учительская газета. 1960. 5 января.
- 28 Из опыта работы -- Из опыта работы родительских комитетов при домоуправлениях г. Хабаровска: Сб. статей / Хабар. краев. ин-т усовершенствования учителей. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1958.
- 29 Истер Дж.М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты / Пер. с англ. Т. Н. Саранцевой. М.: РОССПЭН, 2010.
- 30 История КПСС 2013 -- История Коммунистической партии Советского Союза / Под ред. А.Б. Безбородова. М.: РОССПЭН, 2013.
- 31 Карелин 2014 -- Карелин Е.Г. Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.). М.: РОССПЭН, 2014.
- 32 Конспекты выступлений 1919 -- Конспекты выступлений Журина Б.И. в самодеятельных клубах с разбором пьес и афиши. 1919—1920 // ГАРФ. Ф. 421. Д. 156.
- 33 Крупская 1930 -- Крупская Н.К. О бытовых вопросах. М., 1930.
- 34 Кухер 2012 -- Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941 / Пер. с нем. А. И. Симонова. М.: РОССПЭН, 2012.
- 35 Лебина 2015 – Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля. Ленинград 1950-1960-е годы. СПб.: Крига; Победа, 2015.
- 36 Левинсон 2009 -- Левинсон А.Г. Предварительные замечания к рассуждениям о приватном // Новое литературное обозрение. 2009. № 100.
- 37 Левинсон 2015 -- Левинсон Алексей: Общественного контракта в России не существует // Сайт Gefter.ru. 2015. 27 мая [<http://gefter.ru/archive/15289>].
- 38 Ленин 1974 – Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Госполитиздат, 1974.

39 Майофис 2016 -- Пансионы трудовых резервов: формирование системы школ-интернатов в 1954—1964 годах // Новое литературное обозрение. 2016 (в печати).

40 Майофис, Кукулин 2015 -- Майофис М., Кукулин И. «Работа с понятиями» в советской образовательной политике и педагогике второй половины 1940-х – конца 1950-х годов. Препринт. Размещен 2 июля 2015 г. (http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2626483).

41 Макаренко 1937 – Макаренко А.С. Книга для родителей. М.: Гослитиздат, 1937.

42 Малинова 2012 — Малинова О. Ю. Общество, публика, общественность в России сер. XIX — начала XX века: отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода / Под ред. Д. Сдвижкова, И. Ширле: В 2 т. Т. 1. М.: Нов. лит. обозрение, 2012. С. 428–463.

43 Материалы комиссии 1941 -- Материалы работы комиссии для выработки представления в ЦК ВКПб о мероприятиях, направленных к единству коммунистического воспитания детей в школе и семье (доклад, письмо и черновые материалы) // ГАРФ. Д. 260.

44 Материалы о выходе на пенсию – Материалы о выходе Журина Б.И. на пенсию // ГАРФ. Ед. хр. 421. Д. 438.

45 Медик 1994 – Медик Х. Микроистория / Пер. с нем. Т.И. Дудниковой // Thesis. 1994. Вып. 4. С. 193—202.

46 Митрохин 2003 -- Митрохин Н.А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953—1985. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

47 Молотов, Маленков, Каганович -- Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н. Яковлева. Сост. Н. Ковалева, А. Коротков, С. Мельчин, Ю. Сигачев, А. Степанов. М.: Международный фонд «Демократия», 1998.

48 Накануне войны 1993 -- Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (Кн. 1-2): Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23--31 декабря 1940 г. М.: ТЕРРА, 1993.

49 Нахапетов 2009 -- Нахапетов Б. Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. М.: РОССПЭН, 2009.

- 50 Новосельский 1950 -- Новосельский Г. Друзья семьи и школы // Огонек. 1950. 18 июня. С. 12.
- 51 Норт 1997 -- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко, предисл. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- 52 Норт 2004 -- Норт Д. Функционирование экономики во времени [Нобелевская лекция] / Пер. с англ. Вяч. Малыгина // Отечественные записки. 2004. № 6 (21) [http://www.strana-oz.ru/2004/6/funkcionirovanie-ekonomiki-vo-vremeni#s*]
- 53 Норт 2005 (2010) -- Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010.
- 54 Обзор 1927 -- Б.п. Обзор политического состояния СССР за июль 1927 г. (по данным Объединенного государственного политического управления) // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934): В 9 т. Т. 5. 1927 год / Сост. Н. Быстровой, В. Земскова и др. М., 2003.
- 55 Обращение 1936 -- Обращение Всесоюзного совещания жен хозяйственников и инженерно-технических работников тяжелой промышленности // Общественница. 1936. № 1. С. 3.
- 56 Орлов, Юрчикова 2010 – Орлов И.Б., Юрчикова Е.В. Массовый туризм в сталинской повседневности М.: РОССПЭН, 2010.
- 57 Осокина Е. Золото для индустриализации: «ТОРГСИН». М.: РОССПЭН, 2009.
- 58 От редакции 1936 -- От редакции // Общественница. 1936. № 1. С. 5.
- 59 Перечень мероприятий 1937 -- Перечень мероприятий, проведенных Журиным Б.И. в школе № 498 в 1936—1937 уч. г. // ГАРФ. Ф. 421. Д. 253.
- 60 Перечень работ 1958 -- Перечень литературных, экспериментальных работ и мероприятий, проведенных тов. Журиным Б.И. по организации родительской общественности и коммунистическому воспитанию детей и молодежи за время 1919—1958 гг. // ГАРФ. Ф. 421. Д. 563.
- 61 Письмо в «Учпедгиз» 1955 -- Письмо Б.И. Журина зав. редакцией педагогики «Учпедгиза» тов. И.В. Лепилину, 24 марта 1955 года // ГАРФ. Ф. 421. Д. 7.
- 62 Письмо Жданову 1941 – Письмо секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову // ГАРФ. Ф. 421. Д. 233.

- 63 Платт 2013 -- Платт К.Ф.М. «Идти в науку — терпеть муку»: Травма и дисциплина в российской школе // Новое литературное обозрение. 2013. № 124. С. 35—47.
- 64 Постановление 1952 -- Постановление «Об улучшении дисциплины детей на улицах и в общественных местах» // Сайта администрации города Раменское, архивное управление.
<http://www.ramenskoye.ru/?action=admarch&submenu=cite&id=14961>.
- 65 Постановление 1957 -- Постановление № 1099 «О мерах улучшения работы среди детей вне школы и предупреждения детской безнадзорности» // <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssr6135.htm>.
- 66 Предложения по программе КПСС 1961 -- Предложения по Программе КПСС, разработанные Центральным советом Педагогического общества РСФСР с пометками Журина Б.И. 19 сент. 1961 // ГАРФ. Ф. 421. Д. 239.
- 67 Родительская общественность 1939 – Журин Б.И. Родительская общественность в домах. М., 1939 // ГАРФ. Ф. 421. Д. 1.
- 68 Сайкина 1964 -- Сайкина А. Всюду – общественники // Красный Север (Вологда). 1964. 25 марта.
- 69 С партией 1932 – [Б.п.] С партией и рабочим классом против угрозы бонапартизма и контрреволюции // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1932. Март. № 27 (<http://web.mit.edu/fjk/www/FI/BO/BO-27.shtml>).
- 70 Сталин 1929 – Сталин И.В. Соревнование и трудовой подъем масс // Сталин И.В. Полн. собр. соч. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1949.
- 71 Таубман 2008 -- Таубман У. Хрущев / Пер. с англ. Н. Л. Холмогоровой. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2008.
- 72 Тезисы выступления 1940 -- Тезисы выступления Журина Б.И. на учительской конференции Пролетарского района 7 января 1940 г. // ГАРФ. Ф. 421. Д. 75.
- 73 Троцкий 1923 – Троцкий Л. Семья и обрядность // Правда. 1923. № 156.
- 74 Троцкий 1938 – Троцкий Л. Тоталитарные пораженцы // Бюллетень оппозиции. 1938. № 60—61.
- 75 Хархордин 2002 – Хархордин О. Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности. СПб; М.: ЕУСПб, Летний Сад, 2002.

76 Хестанов 2013 -- Хестанов Р.З. Генезис культурной политики и возникновение массовой культуры в СССР (1917–1953) // Социология власти. 2013. № 8. С. 74—96.

77 Хиллиг 1992 -- Hillig Götz. Как А.С. Макаренко открыл семью [К истории создания и воздействия *Книги для родителей*, 1936--1939 гг.] // Cahiers du monde russe et soviétique. 1992. Vol. 33. № 1. Janvier-Mars. P. 83--105.

78 Хиршман 2009 -- Хиршман А.О. Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств / Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Новое издательство, 2009.

79 Хлевнюк, Горлицкий 2011 – Хлевнюк О., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры / Пер. с англ. А. Пешкова. М.: РОССПЭН, 2011.

80 Черновик автобиографии 1940 – Журин Б.И. Черновик автобиографии для защиты кандидатской диссертации (1940-1941) // ГАРФ. Ф. 421. Д. 166.

81 Чернышевский 1859 (1981) -- [Чернышевский Н.Г.] Вредная добродетель // «Свисток». Собрание литературных, журнальных и других заметок [Сатир. прил. к журн. «Современник», 1859—1863]. М.: Наука, 1981 [Литературные памятники].

82 Чуковский 1940 – Чуковский К.И. О книге для родителей и школьных учебниках // Учительская газета. 1940. 17 января. Републиковано: http://www.chukfamily.ru/Kornei/Critica/critica_new.php?id=75

83 Широков 2014 -- Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930–1950-е гг.). М.: РОССПЭН, 2014.

84 Школа, семья и советская общественность 1943 – Журин Б.И. Доклад на тему «Школа, семья и советская общественность в домах и на предприятиях по коммунистическому воспитанию детей» (Всесоюзное Общество распространения политических и научных знаний. Московское городское отделение) // ГАРФ. Ф. 421. Д. 5.

85 Эксле 2007 -- Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. и предисл. Ю. Арнаутовой. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

86 Эфэс 1927 -- Эфэс А. Красная армия и советская общественность // Возрождение (Париж). 1927. 9 мая. С. 2.

- 87 Юинг 2011 -- Юинг Э.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. / Пер. с англ. Д.А. Благова. М.: РОССПЭН, 2011.
- 88 Buckley 1996 -- Buckley M. The untold story of *Obshchestvennitsa* in the 1930s // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48. No. 4. P. 569—586.
- 89 Coase 1937 -- Coase R. The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. Vol. 4, No. 16 (November). P. 386—405; русский пер Б. Пинскера – в кн.: Теория фирмы / Сост. В.М. Гальперин. СПб.: Экономическая школа, 1995. С. 11—32.
- 90 Crick, Tarvin 2012 – Crick N., Tarvin D. A Pedagogy of Freedom: John Dewey and Experimental Rural Education // *Inter-American Journal of Philosophy*. 2012. Vol. 3. Issue 2. P. 68—84.
- 91 Decker 2015 – Decker S. Mothership Reconnection: Microhistory and Institutional Work Compared // *The Routledge Companion to Management and Organizational History*. New York; London, 2015. P. 222—237.
- 92 Glantz 1999 -- Glantz D.M. Zhukov's Greatest Defeat. University Press of Kansas, 1999.
- 93 Graff G. Professing Literature: An Institutional History. Chicago; London: University of Chicago Press, 1987.
- 94 Medick 1994 -- Medick H. (Hg.). Mikro-Historie. Neue Pfade in die Sozialgeschichte. Frankfurt a.M., 1994.
- 95 Kohlstedt 1985 -- Kohlstedt S.G. Institutional History // *Osiris*. 1985. Vol. 1. P. 17—36.
- 96 Kozlov 2013 -- Kozlov D. The Readers of *Novyi Mir*: Coming In Terms With The Stalinist Past. — Cambridge, Mass.; L.: Harvard University Press, 2013.
- 97 Kryshchanovskaya, White 2011 – Kryshchanovskaya O., White S. The Formation of Russia's Network Directorate // *Russia as a Network State: What Works in Russia When State Institutions Do Not?* Ed. by V. Kononenko and A. Moshes. London: Palgrave Macmillan, 2011. P. 19—38.
- 98 Laudan 1977 -- Laudan R. Ideas and Organizations in British Geology: A Case Study in Institutional History // *Isis*. 1977. Vol. 68. P. 527—538.
- 99 Morton, Saltmarsh 1997 -- Morton K., Saltmarsh J. Addams, Day, and Dewey: The emergence of community service in American culture // *Michigan Journal of Community Service Learning*. 1997. # 4. P. 137--150.
- 100 Roth-Ey 2007 -- Roth-Ey K. Finding a Home for Television in the USSR, 1950—1970 // *Slavic Review*. 2007. Vol. 66. No. 2 (Summer). P. 278—306.

101 Savage 2002 – Savage Daniel M. John Dewey's Liberalism: Individual, Community and Self-Development. Carbondale; Edwardsville: Southern Illinois University Press, 2002.

102 Yekelchuk 2010 -- Yekelchuk S. A Communal Model of Citizenship in Stalinist Politics: Agitators and Voters in Postwar Electoral Campaigns (Kyiv, 1946–53) // *Ab Imperio*. 2010. № 2. С. 93—120.